

82. 256
10.8.с. ИЗДАНИЕ
ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного Южно-Русск. О-ва Печатнаго Дѣла.

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Л. С. ЗАКА.

Серія II. Выпускъ 4-й.

ОЧЕРКЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕОРІЙ

ПРОИСХОЖДЕНІЯ

СЕМЬИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА.

Адольфа Позада

Профессора государств. права въ Овѣдскомъ университетѣ
и члена Международнаго Соціологическаго Института.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Л. С. Зака.

ОДЕССА.

Тип. Высочайше утв. Южно-Русск. Общества Печатнаго Дѣла
(Пушкинская, собств. домъ № 20).

1897.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Южно-Русское Общество Печатнаго Дѣла съ Іюля 1896 г. приняло на себя изданіе подѣ общимъ названіемъ:

„Библіотека Общественныхъ знаній“,

предназначенное для широкаго круга среднихъ интеллигентныхъ читателей, которымъ большіе многотомные научные труды не доступны ни по своей цѣнѣ, ни по содержанію.

«Библіотека» эта ставитъ себѣ задачей дать рядъ оригинальныхъ и пѣреводныхъ книжекъ популярнаго характера и сжатаго объема по вопросамъ прикладной и теоретической экономіи, финансовъ, культурной исторіи, права и проч.

Въ книжкахъ, посвящаемыхъ обзору жизни Зап. Европы, даются приложенія, трактующія о состояніи даннаго вопроса въ Россіи.

Главный складъ изданія:

Въ **Одессѣ**: при книжномъ магазинѣ Общества (Пушкинская ул., соб. домъ № 20).

Въ **Петербургѣ**: у Н. С. Аскарханова (Троицкая, № 6).

Въ **Москвѣ**: у М. В. Клюкина (Моховая, домъ Бенкендорфа).

ИЗДАНИЕ
ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного Южно-Русск. О-ва Печатного Дѣла.

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Л. С. ЗАКА.

Серія II. Выпускъ 4-й

ОЧЕРКЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕОРІЙ

происхожденія семьи, общества и государства.

Адольфа Позада

Профессора государственнаго права въ Овѣдскомъ университетѣ
и члена Международнаго Соціологическаго Института.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Л. С. Зака.

ОДЕССА.

Тип. Высочайше утвержд. Южно-Русск. Общества Печатнаго Дѣла
(Пушкинская, соб. д. № 20).

1897.

Дозволено цензурою. Одесса, 14 марта 1897 г.

Предисловіе Рене Вормса.

Научное изслѣдованіе естественно стремится восходить къ началу предмета, которому оно посвящено. Когда психологія сложилась въ особую дисциплину, то первой задачей, которую она себѣ поставила, было происхожденіе идей. Точно также, когда на нашихъ глазахъ зародилась соціологія, то ученые ея занялись прежде всего изученіемъ зачатковъ соціальной жизни у людей и даже у животныхъ. За послѣднія 30 лѣтъ выросла по этому вопросу цѣлая литература, и, — что рѣдко случается въ наукѣ, — качество произведеній не уступаетъ ихъ количеству.

Въ половинѣ текущаго столѣтія изученіе древней исторіи выдвинуло теорію первобытнаго патріархата. Тогда познакомились съ сильной организаціей отцовской власти въ Римѣ, сопоставили ее съ тѣмъ, что сами римляне рассказывали о галлахъ, и что извѣстно было о грекахъ и индусахъ; сюда же присоединили извѣстія о патріархальной жизни древнихъ евреевъ и арабовъ, объ устройствѣ китайской семьи, — и изъ всего этого вывели то заключеніе, что въ началѣ соціальная единица представляла собою группу родственниковъ, происшедшихъ отъ одного отца, который единовластно ею управлялъ.

Бахофенъ, первые труды котораго появились около 1860 г., выставилъ прямо противоположную теорію. Исходя изъ того, что связь ребенка съ матерью очевидна, между дѣмъ какъ связь его съ отцемъ ускользаетъ отъ постороннихъ, Бахофенъ полагаетъ, что первую

предки наши должны были признать раньше, чѣмъ вторую. По мнѣнію Бахофена, человѣчество начало съ безпорядочнаго полового сожителства (promiscuité); мужчину мало беспокоила судьба его дѣтей; объ нихъ заботилась женщина, которая и сдѣлалась такимъ образомъ центромъ семьи, а потому и носительницей власти. Гинекократія поэтому предшествовала господству мужчины, и первой общественной организаціей былъ матриархатъ.

Эта теорія, которую Бахофенъ защищалъ въ многочисленныхъ солидныхъ произведеніяхъ¹⁾, подкрѣпляя ее рядомъ доказательствъ, заимствованныхъ главнымъ образомъ изъ классической древности, нашла поддержку со стороны Макъ-Леннана, который, основываясь по преимуществу на этнографическихъ данныхъ, пришелъ къ аналогичнымъ выводамъ. Онъ обратилъ вниманіе на часто встрѣчающееся у низшихъ племенъ убійство дочерей, а также на частые экзогамическіе браки и браки захватомъ²⁾. Многие знаменитые соотечественники Макъ-Леннана присоединились въ большей или меньшей степени къ его воззрѣніямъ и развили въ своихъ трудахъ, съ тѣми или другими оттѣнками, теоріи, въ основу которыхъ легла идея Макъ-Леннана. Таковы: Джонъ Леббокъ³⁾, Эдуардъ Тайлоръ⁴⁾, Гербертъ Спенсеръ⁵⁾.

Само собою разумѣется, что новая доктрина встрѣтила не мало противниковъ. „Патріархальная“ система нашла себѣ защитниковъ въ лицѣ двухъ выдающихся писателей: Фюстель-де-Куланжа⁶⁾ и Генри Сомнера Мэна⁷⁾,

¹⁾ Материнское право. Народъ ликійцевъ. Письма о древности. Легенда о Танаковиль и пр.

²⁾ Первобытный бракъ. Патріархальная теорія.

³⁾ Доисторическій человекъ. Начало цивилизаціи.

⁴⁾ Первобытная культура.

⁵⁾ Основанія соціологіи, часть I.

⁶⁾ Древняя гражданская община.

⁷⁾ Древнее право. Очерки первобытныхъ учрежденій и пр.

настаивавшихъ на томъ, что отцовскую власть нужно считать древнѣйшей, по крайней мѣрѣ у арійцевъ. Но затѣмъ Льюисъ Морганъ, сопоставивъ свои наблюденія въ Соединенныхъ Штатахъ съ тѣмъ, что онъ зналъ о народахъ малайскихъ и туранскихъ, призналъ существованіе матриархата у краснокожихъ Сѣверной Америки¹⁾; то же самое доказали англійскіе миссіонеры Физонъ и Говитъ относительно туземцевъ Австраліи²⁾; матриархатъ открытъ былъ также у различныхъ негритянскихъ племенъ въ Африкѣ. Наконецъ, профессоръ Максимъ Ковалевскій нашелъ у арійскихъ племенъ на Кавказѣ институты, которые слѣдуетъ считать остатками матриархата³⁾.

Соединенныя въ одно цѣлое Жиро-Тейлономъ⁴⁾, теоріи матриархата были приняты многими авторитетными этнологами и социологами, каковы Даргюнъ⁵⁾, Постъ⁶⁾, Летурно⁷⁾, Штарке⁸⁾. Хотя недавно теорія матриархата встрѣтила сильнаго противника въ лицѣ Вестермарка⁹⁾, однако можно сказать, что въ настоящее время она занимаетъ не послѣднее мѣсто въ наукѣ, такъ что игнорировать ее уже нельзя и даже можно у нея чѣмъ-либо позаимствоваться.

Конечно, многія идеи ея творцовъ должны быть въ настоящее время оставлены. Если мать въ извѣстную

¹⁾ *Системы родства и свойства въ человѣческой семьѣ. Древнее общество. Семья у аборигеновъ въ Америкѣ.*

²⁾ *Камиларои и Курнаи.*

³⁾ *Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. Право у оссетинъ.*

⁴⁾ *Происхожденіе брака и семьи.*

⁵⁾ *Матриархатъ и захватный бракъ.*

⁶⁾ *Этнологическая юриспруденція. Африканская юриспруденція и пр.*

⁷⁾ *Эволюція семьи.*

⁸⁾ *Первобытная семья.*

⁹⁾ *Происхожденіе человѣческаго брака.*

эпоху и могла быть центромъ семьи, то все же мало вѣроятно, чтобы она фактически пользовалась властью, которая скорѣе должна была находиться въ рукахъ ея братьевъ. Терминъ „матріархатъ“, введенный Бахофеномъ, нужно признать, слѣдовательно, неудачнымъ. Съ другой стороны, убійство дочерей и бракъ захватомъ не имѣютъ, — особенно первое, — того общаго значенія, которое приписалъ имъ Макъ Леннанъ. Наконецъ, гипотеза безпорядочнаго полового сожителства должна повидимому уступить свое мѣсто, по крайней мѣрѣ, гипотезѣ половой безпорядочности, ограниченной предѣлами данной группы, „групповому браку“ въ собственномъ смыслѣ, ибо только его и можно констатировать на той низшей ступени цивилизаціи, которая намъ извѣстна въ точности. Но рядомъ съ этими слабыми пунктами матріархальныхъ теорій, — сколько остроумныхъ идей онѣ въ себѣ заключаютъ, сколько драгоцѣнныхъ фактовъ ими констатировано, на сколько замѣчательныхъ институтовъ ими обращено вниманіе! Еще не наступило время опредѣлить, что въ этихъ теоріяхъ должно быть выброшено и что оставлено. Но справедливость требуетъ сказать, что нашими свѣдѣніями о соціальной исторіи человѣчества мы въ значительной степени обязаны имъ.

Поэтому, въ высшей степени желательно, чтобы книги, въ которыхъ излагаются эти теоріи, сдѣлались болѣе доступными для нашей публики. А между тѣмъ сочиненія Бахофена, Макъ Леннана, Моргана, Физона и Говита еще не переведены на французскій языкъ. Въ ожиданіи того момента, когда окажется возможнымъ издать въ переводѣ такіе объемистые труды, Международная Соціологическая Библіотека, которая предполагаетъ послѣдовательно охватить всѣ части соціальной науки, нашла полезнымъ издать во французскомъ переводѣ недавно вышедшую книгу, имѣющую цѣлью дать общій обзоръ этой важной проблемы. Мы говоримъ о „Современныхъ теоріяхъ происхожденія семьи, общества и госу-

дарства“, — книгѣ, изданной на испанскомъ языкѣ профессоромъ Овѣдскаго университета, Адольфомъ Позада ¹⁾. Авторъ приобрѣлъ почетную извѣстность въ ученomъ мѣрѣ рядомъ трудовъ, изъ которыхъ главный — „Трактатъ государственнаго права“ — недавно законченъ. Онъ одинъ изъ первыхъ сталъ распространять въ Испаніи ученія и методы современной соціологіи, главнымъ образомъ, посредствомъ статей, помѣщенныхъ въ важнѣйшихъ журналахъ полуострова. Два года тому назадъ онъ сдѣлался членомъ Международнаго Соціологическаго Института. Къ настоящему французскому изданію авторъ сдѣлалъ важныя дополненія въ текстѣ, примѣчаніяхъ и въ формѣ приложений. Пожелаемъ, чтобы эта работа содѣйствовала распространенію истинныхъ знаній по капитальному вопросу о происхожденіи человѣческаго общества, возбудивъ любознательность у тѣхъ, кто до сихъ поръ оставался чуждымъ этому предмету, пополнивъ свѣдѣнія лицъ, уже знакомыхъ съ общественной наукой, и возбудивъ въ тѣхъ и другихъ охоту познакомиться съ тѣми основными трудами, которые такъ удачно и частую оригинально изложены въ настоящей книгѣ.

Предисловіе автора къ французскому изданію.

Когда весною 1891 года я приводилъ въ порядокъ замѣтки, составленныя мною при чтеніи курса государственнаго права въ Овѣдскомъ университетѣ, и готовялъ къ изданію въ свѣтъ книгу, подъ заглавіемъ: „Современныя теоріи происхожденія семьи, общества и государства“, я не думалъ, что трудъ мой удостоится быть переведеннымъ на французскій языкъ. Моя един-

¹⁾ Мадридъ, 1892 г.

ственная цѣль состояла въ томъ, чтобы познакомить испанцевъ съ новѣйшими теоріями, касающимися предмета моего курса; мимоходомъ я высказалъ о семьѣ, обществѣ и государствахъ нѣсколько, можетъ быть, новыхъ идей, которыя, однако, я не осмѣливаюсь назвать оригинальными. Эта специальная цѣль и обстоятельства, при которыхъ книга была написана, объясняютъ, по крайней мѣрѣ отчасти, почему она такъ скудна фактами, почему многіе вопросы изложены такъ кратко и сухо, почему, наконецъ, я особенно останавливаюсь на объясненіи нѣкоторыхъ понятій, которыя не имѣли бы такого важнаго значенія, если бы эти вопросы рассматривались съ болѣе общей точки зрѣнія.

Когда мой почтенный коллега Рене Вормсъ сообщилъ мнѣ о своемъ желаніи перевести мою книгу на французскій языкъ, то моею первою мыслью было совершенно передѣлать работу; но потомъ я отказался отъ этой мысли, потому что это значило бы написать новую книгу, другихъ размѣровъ и съ другою цѣлью. Поэтому я ограничился для французскаго изданія болѣе подробнымъ изложеніемъ нѣкоторыхъ идей, цитированіемъ нѣкоторыхъ авторовъ, съ которыми я познакомился уже послѣ выхода въ свѣтъ оригинала, наконецъ, приложеніемъ двухъ очерковъ, составляющихъ дальнѣйшее развитіе идей, едва намѣченныхъ въ текстѣ.

А. Позада.

Овiedo, 26 сентября 1895 г.

Введеніе.

Предлагаемый читателю очеркъ современныхъ теорій, относящихся къ вопросу о происхожденіи семьи, общества и государства, представляетъ собою результатъ изслѣдованій, сдѣланныхъ мною въ теченіе большей части одного изъ моихъ курсовъ государственнаго права въ Овѣдскомъ университетѣ. Мы изслѣдовали понятіе правового государства ¹⁾, и, пытаясь опредѣлить природу государства, какъ союза политическаго, мы сочли необходимымъ изслѣдовать характеристическія черты общественнаго союза, являющагося причиной и условіемъ государственнаго строя. Послѣ внимательнаго изученія этого вопроса вмѣстѣ съ учениками, мы установили, что главный внѣшній отличительный признакъ политическаго общества, являющійся дѣйствительно характернымъ, это *симбіозъ* ²⁾, т. е. союзъ нѣсколькихъ индивидуумовъ и семействъ, живущихъ вмѣстѣ, но не происходящихъ отъ общаго родоначальника и не связанныхъ кровными узами.

¹⁾ Я выполнилъ указанный въ текстѣ планъ въ моей книгѣ: *Трактатъ государственнаго права*, т. 1. *Теорія государства*, вышедшей послѣ опубликованія настоящаго труда на испанскомъ языкѣ.

²⁾ *Симбіозомъ* называется въ біологіи союзъ двухъ существъ разныхъ видовъ, какъ, напримѣръ, союзъ водоросли и гриба, образующій лишай. Мы сочли себя въ правѣ примѣнить этотъ терминъ къ соціологическому явленію, обнаруживающему тѣ же отличительныя черты при образованіи новаго индивида. Въ испанскомъ текстѣ сказано: *convivencia*. (Прим. французскаго переводчика, Франца Цельтнера).

Мы вмѣстѣ съ тѣмъ пришли къ заключенію, что этотъ симбіозъ стремится стать территоріальнымъ и дѣйствительно становится таковымъ, такъ что политическое государство есть въ сущности ничто иное, какъ политическій союзъ человѣческихъ обществъ, универсальныхъ и необходимыхъ, которыя живутъ на собственныхъ, имѣющихъ опредѣленные границы территоріяхъ ¹⁾.

Чтобы пополнить наши чисто философскія изысканія, чтобы пересмотрѣть съ этой точки зрѣнія результаты современныхъ соціологическихъ теорій и примирить абстрактныя понятія о государствахъ и обществахъ съ ихъ конкретными формами, — этимъ продуктомъ историческаго самосознанія народовъ, — и съ идеей эволюціи, мы должны были взяться за продолжительное и внимательное изученіе главныхъ трудовъ, въ которыхъ эти теоріи проводятся.

Независимо отъ абсолютной цѣнности этого предпріятія, нельзя отрицать, что желаніе примирить абстрактную философскую теорію съ воззрѣніями, основанными на дѣйствительныхъ и положительныхъ фактахъ, составляетъ господствующее теченіе въ современной общественной наукѣ. Это не реакція противъ крайняго позитивизма; это не возрожденіе древней метафизики, но скорѣе благородная попытка синтеза, вытекающая у однихъ, какъ на примѣръ у Гюйо, изъ столкновенія идеалистическаго ума философа съ эволюціонными понятіями, у другихъ — изъ болѣе общихъ причинъ. Что касается Испаніи, то мы можемъ сказать, что среди немногихъ

¹⁾ Чтобы лучше выяснить нѣкоторыя положенія, касающіяся понятія политическаго государства въ смыслѣ государства территоріальнаго и различія между началомъ семьи и началомъ государства, я счелъ полезнымъ дать, въ формѣ *Приложенія*, этюдъ о положительныхъ чертахъ государства, служащій до нѣкоторой степени необходимымъ предисловіемъ къ настоящему труду.

ученыхъ, самостоятельно разрабатывающихъ науку, нѣтъ ни одного, который стоялъ бы внѣ этого господствующаго направленія. Даже тѣ, кои придерживаются философскаго ренессанса, инициаторомъ котораго является Санцъ-дель-Ріо, и тѣ, которые исходятъ непосредственно изъ ученій католицизма, въ своихъ произведеніяхъ отдають большую или меньшую дань господствующему направленію, о которомъ я говорю ¹⁾).

Къ счастью, современныя историческія изслѣдованія о первобытномъ положеніи человѣка, философскія индукціи, къ которымъ эти изслѣдованія приводятъ, наконецъ, великія попытки соціологическаго синтеза, даютъ достаточный матеріалъ для изученія предмета въ предпринимаемомъ нами направленіи ²⁾. Бѣглый обзоръ выводовъ, сдѣланныхъ въ трудахъ перечисленныхъ мною ученыхъ, является безусловно необходимымъ для установленія правильной теоріи происхожденія общества и государства.

Если мы поразмыслимъ о предметѣ нашего изслѣдованія и ограничимся установленіемъ необходимаго различія между обществомъ семейнымъ и политическимъ, то труды современныхъ соціологовъ, изслѣдующихъ бытъ примитивнаго человѣка и современнаго дикаря и открывающихъ законы, которымъ слѣдуетъ соціальное развитіе, приведутъ насъ къ заключеніямъ, которыя отчасти можно принять. Однако, нужно имѣть въ виду, что такъ какъ эти работы должно разсматривать съ спеціальной точки зрѣнія (главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія вопроса о происхожденіи и природѣ политическаго общества), то наша задача представляетъ серьезныя трудности.

¹⁾ Назовемъ философа и педагога Giner, психолога Gonzalez Serrano, литератора Alas и проч.

²⁾ Важнѣйшія соціологическія построенія синтетическаго характера принадлежатъ безспорно Спенсеру и Шеффле. Кромѣ нихъ, назовемъ еще Де-Греефа, Тарда, Новикова, Фулье, Мэкензи, Гумпловича и проч.

1) Вслѣдствіе неодинаковости цѣлей, которыми задаются разные авторы. Одни, какъ, на примѣръ, Тайлоръ, Леббокъ, Оливейра-Мартинсъ и другіе, желаютъ опредѣлить общій характеръ первобытной цивилизаціи. Другіе изслѣдуютъ первобытную природу семейнаго общества со спеціальныхъ точекъ зрѣнія: Бахофенъ развиваетъ теорію матриархата путемъ истолкованія мифовъ; Макъ-Леннанъ изучаетъ бракъ посредствомъ толкованія символовъ, сопровождающихъ захватный бракъ; Морганъ изучаетъ строй семьи въ номенклатурѣ родственниковъ; Вестермаркъ изучаетъ исторію человѣческаго брака и проч.

2) Вслѣдствіе спорнаго и спеціальнаго характера многихъ изъ этихъ произведеній. Здѣсь вы найдете разсужденія о матриархатѣ, безпорядочномъ половомъ сожителствѣ, объ экзогаміи и эндогаміи, кувадѣ, левиратѣ и проч. Но если тщательно разсмотрѣть сообщаемые въ этихъ спеціальныхъ трудахъ факты и принять во вниманіе общія соціологическія указанія Спенсера, Бэдджота, Энгельса, Де-Греефа, Летурно, Дюркгейма, Изуле, Вормса, Ванны, Мажорана, Sales у Ferré, а также болѣе спеціальныя историческія и юридическія указанія Сомнера Мэна, Гэрна, Геринга, Поста, Фюстель-де-Куланжа, Ковалевскаго, д'Агуанно, Лавелэ, Carle, Azcarate, Altamira и проч., то намъ удастся выяснить интересующій насъ вопросъ.

ОЧЕРКЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕОРІЙ

Происхожденія семьи, общества и государства.

Глава I.

Современныя точки отправленія при изслѣдованіи происхожденія общества.

Большинство современныхъ соціологовъ и историковъ, изслѣдующихъ бытъ первобытнаго человѣка, излагая теорію происхожденія и природы общества и государства, исходитъ изъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній, которыхъ мы не можемъ обойти здѣсь молчаніемъ, хотя тутъ не мѣсто говорить о нихъ подробно ¹⁾. Многія изъ нихъ не формулированы; тѣмъ не менѣе, мы не можемъ приступить къ изложенію нашего предмета, не коснувшись ихъ прямо или косвенно.

Въ настоящее время исходятъ:

1) Изъ общепризнаннаго, не подлежащаго сомнѣнію факта, на который не всегда обращали вниманіе, именно:

¹⁾ Изучая этотъ предметъ, я убѣдился въ невозможности втиснуть въ рамки настоящаго труда тѣ важныя вопросы, которые возбуждаются при чтеніи писателей, трактующихъ непосредственно или мимоходомъ о происхожденіи политическаго общества. Поэтому я долженъ былъ ограничиться простымъ резюме того, что имѣетъ прямое отношеніе къ интересующему насъ предмету, къ которому я, можетъ быть, вернусь въ болѣе обширномъ трудѣ, посвященномъ исключительно этому вопросу.

что человѣкъ не единственное общественное животное, и что, слѣдовательно, не бесполезно изслѣдовать социальныя явленія въ мірѣ животныхъ, — изслѣдовать не для того, чтобы отыскать *предшественниковъ* человѣка, а для того, чтобы изучить его во всѣхъ его реальныхъ проявленіяхъ и получить о немъ болѣе ясное представленіе.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изложеніе и оцѣнку этого положенія ¹⁾. Напомнимъ только, что прежде всего необходимо знать, слѣдуетъ ли включить въ социологию общественныя явленія, имѣющія мѣсто въ мірѣ животныхъ. Одни думаютъ, что предметомъ социологій должно быть только человѣческое общество; другіе того мнѣнія, что наука эта обнимаетъ также общественную жизнь животныхъ; третьи, наконецъ, рассматриваютъ социологию животныхъ, какъ нѣкотораго рода *введеніе въ социологию*.

Первое мнѣніе—наиболѣе распространенное. Социологическіе труды трактуютъ обыкновенно о человѣкѣ. Такъ напримѣръ, Спенсеръ (*Основанія социологій*, томъ I) начинается съ утвержденія, что надъ-органическая (*соціальная*) эволюція въ полномъ своемъ видѣ существуетъ только у человѣка, рассматриваемаго какъ социальное существо. Шеффле (*Строеніе и жизнь общественнаго тѣла*), утверждая, что человѣческое общество есть новая форма, обнимающая также предковъ, и подчеркивая отличительные признаки социальнаго человѣка, исключаетъ новыя *государства животныхъ* (*Thierstaaten*) изъ области социологій. Социологическія работы Де-Греефа, Роберти, Тарда (*Законы подражанія*), Брага и проч. трактуютъ только о человѣкѣ.

¹⁾ Я говорилъ объ этомъ предметѣ подробно въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ *Revista de Espana* за май и іюнь 1891 г., подъ заглавіемъ: *Введеніе въ изученіе первобытныхъ обществъ.— Общества животныхъ*.

Съ другой стороны, есть приверженцы и противоположнаго мнѣнія. Интересная книга Эспинаса (*Общества животныхъ*) представляетъ собою очеркъ соціальной жизни животныхъ, разсматриваемый, какъ часть *соціологии*. По мнѣнію этого ученаго, законы общей соціальной жизни открываются путемъ изученія соціальной жизни животныхъ: человѣческое общество — это только одна общественная форма. Таково же въ существенныхъ чертахъ мнѣніе Егера, цитируемаго Эспинасомъ ¹⁾. Подобный характеръ имѣютъ также изслѣдованія Дарвина, Уоллеса, Леббока, Ванъ Бенедена, Гартмана, Гузо, Romanes, Savages и проч.

Летурно, въ свою очередь, утверждаетъ, что общества животныхъ составляютъ предметъ *введенія въ соціологию*.

Но всѣ согласны въ томъ, что изученіе обществъ животныхъ весьма важно для соціологии человѣка, потому что, не будучи предшественниками человѣческихъ обществъ, они тѣмъ не менѣе могутъ служить источникомъ весьма полезныхъ аналогій и сравненій. Штарке весьма кстати обращаетъ на это вниманіе въ своей *Первобытной семьѣ*, о чемъ у насъ рѣчь будетъ впереди. (См. Вестермаркъ, *Исторія человѣческаго брака*, глава I и II).

2) Современные соціологи долго останавливаются на природѣ первобытнаго человѣка, опредѣляя нѣкоторымъ образомъ его психологию, облегчающую пониманіе дошедшихъ до насъ *остатковъ* первобытныхъ учрежденій ²⁾.

¹⁾ См. нѣсколько неопредѣленное соціологическое построеніе Изулэ: *La Cité Moderne*.

²⁾ Въ весьма интересномъ трудѣ Штарке о *Первобытной семьѣ* мы находимъ слѣдующій перечень матеріаловъ, относящихся къ изученію первобытнаго человѣка: 1) прямыя историческія изслѣдованія, касающіяся развитія даннаго общества въ продолженіе большого промежутка времени; 2) описанія путешественниковъ, изображающія одинъ какой-либо фазисъ (тотъ, который они видѣли) жизни расъ, исчезнувшихъ уже или еще

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ—самый важный социальный элементъ; характеръ общества зависитъ отъ характера его членовъ; поэтому *познать* человѣка необходимо. Это и пытается сдѣлать Спенсеръ въ своихъ очеркахъ о *человѣкѣ эмоциональномъ, интеллектуальномъ* и проч.

3) Ученые исходятъ, кромѣ того, изъ двухъ положеній, которыя я формулирую по Штарке (*Первобытная семья*¹⁾).

а) Всякое общество начинается періодомъ варварства. б) Первые шаги всѣхъ зарождающихся обществъ почти тождественны, и социальная эволюція повсюду проходитъ аналогичныя главныя фазы.] Этотъ же авторъ прибавляетъ, что „первая изъ этихъ гипотезъ не возбуждаетъ споровъ и, за рѣдкими исключеніями, признаны всѣми, тогда какъ вторая можетъ быть принята съ боль-

существующихъ; 3) древніе законы и обычаи; 4) мифы, преданія, наконецъ, археологическіе памятники, благодаря которымъ мы можемъ дойти до эпохъ, ускользающихъ отъ нашего непосредственнаго наблюденія. Онъ прибавляетъ: „Кромѣ того, безусловно необходимо знать психологію первобытнаго человѣка, чтобы не быть на каждомъ шагѣ обманутымъ ложными представленіями“. Не смотря на это, ни Штарке, ни другіе теоретики, рассуждающіе о фактахъ, относящихся къ первобытному человѣку, не создали настоящей психологіи его, которую я считаю необходимой для избѣжанія ошибокъ, о коихъ говоритъ Штарке. Нѣчто, аналогичное этой психологіи можно найти у Спенсера (*Соціологія*, т. I, гл. V, VI и VIII), а также у Д'Агуанно (*Генезисъ и эволюція гражданскаго права*, общая часть, отд. I, гл. II).

¹⁾ Вопросъ о гипотезахъ *деградации* и *прогресса* трактовался Леббокомъ (*Начало цивилизаціи*, прил.) въ спорѣ съ Wathely. Тайлоръ въ своей *Первобытной культурѣ* также говоритъ объ этомъ и приводитъ доводы въ пользу прогресса, основываясь на такъ называемыхъ *перезжиткахъ*; см. объ этомъ также *Соціологію* Спенсера, *Происхожденіе семьи и собственности* Ковалевскаго, *Первобытный человѣкъ* Sales у Ferré, который даетъ весьма ясное резюме споровъ объ этомъ вопросѣ. Тайлоръ, подтверждая съ своей точки зрѣнія (*названное сочиненіе*, т. I, стр. 39 и сл.) то, что говоритъ Гиббонъ (*Паденіе Римской Имперіи*) и полеми-

шою осторожностью лишь въ общихъ чертахъ“. Въ этихъ положеніяхъ заключается также столь важная въ соціологiи гипотеза *прогресса*, взятая не въ ея вульгарномъ смыслѣ, т. е. не въ смыслѣ общей формулы для всѣхъ моментовъ и всѣхъ человѣческихъ стремленій, а въ смыслѣ противоположномъ гипотезѣ *деградации*, по которой человѣческія расы начали свое существованіе съ золотого вѣка, предшествовавшего тѣмъ періодамъ варварства и дикости, которые мы знаемъ.

Подробное обсужденіе этихъ тезисовъ завело бы насъ слишкомъ далеко; однако мы думаемъ, что должна быть принята гипотеза о необходимости эволюціоннаго прогресса, такъ какъ, по справедливому замѣчанію Штарке, прогрессъ согласуется со всѣми законами нашего духа; но ее должно принимать съ тѣми ограниченіями, которыя даетъ намъ исторія человѣчества; большинство соціологовъ и историковъ въ этомъ отношеніи вполне согласны между собою.

Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, Тайлоръ, формулируетъ свой взглядъ слѣдующимъ образомъ: „прогрессъ, упадокъ, переживаніе, возрожденіе, видоизмѣненіе—вотъ

зируя съ де-Мэстромъ (*Soirées de Saint-Petersbourg*), резюмируетъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: „Теорія вырожденія утверждаетъ, что: 1) эволюція культуры имѣетъ своимъ исходнымъ моментомъ появленіе полумцивилизованной расы людей; 2) съ этого момента расы шли двумя разными путями: одинъ—ретроградный, ведущій къ дикости, другой—прогрессивный, ведущій къ цивилизаціи“. Но, по мнѣнію Тайлора, это ученіе основывается скорѣе на теологическихъ данныхъ, чѣмъ на этнографическихъ. Существованіе первобытной полумцивилизаціи можно объяснить только, какъ это дѣлаетъ Wathely, сверхъ-естественнымъ вмѣшательствомъ. Противоположная теорія опирается на факты и солидную аргументацію Тайлора и, въ особенности, Леббока. Быть можетъ, удастся примирить обѣ теоріи, допустивъ, что „по скольку можно основываться на историческихъ данныхъ, прогрессъ есть фактъ первичный, а вырожденіе—вторичный“. (Тайлоръ, т. I, стр. 43).

звенья, составляющія сложную цѣпь цивилизаціи“¹⁾, и если, какъ выражается Леббокъ, „человѣческая исторія представляла собою непрерывный прогрессъ“, то этотъ прогрессъ не всемірный, ибо слѣдуетъ различать расы *вырождающіяся* (т. е. такія, которыя исчезаютъ), расы, находящіяся въ состояніи *застоя* (которыя не увеличиваются), и расы *прогрессирующія* (которыя замѣтнымъ образомъ увеличиваются²⁾).

4) Далѣе, ученые допускаютъ существованіе аналогій (въ главныхъ чертахъ) между первобытнымъ человекомъ и современнымъ дикаремъ, такъ что предполагается, что нѣкоторыя расы поднялись отъ состоянія дикости до современной цивилизаціи. Эта гипотеза составляетъ основу почти всѣхъ соціологическихъ изслѣдованій: благодаря ей, изслѣдователи, не ограничивающіеся въ своихъ обобщеніяхъ исторіей арійскихъ народовъ, могутъ отчасти возмѣститъ недостатокъ прямыхъ свѣдѣній объ обществахъ *дѣйствительно первобытныхъ*. Исходя изъ этой аналогіи между первобытнымъ человекомъ и современнымъ дикаремъ и изучая нравы и учрежденія различныхъ племенъ, считаемыхъ дикими, можно составить себѣ понятіе о томъ, какова должна была быть соціальная жизнь человѣчества на первыхъ порахъ своего земного существованія. Но нельзя принять эту гипотезу, не коснувшись тѣхъ важныхъ споровъ, которые возникли, благодаря представляемымъ ею серьезнымъ трудностямъ. Начать съ того, что теорія вырожденія совершенно отрицаетъ эту гипотезу; если признать ее съ точки зрѣнія

¹⁾ *Названное сочиненіе*, т. I, стр. 20.

²⁾ Тардъ въ своихъ *Transformations du droit* критикуетъ эволюціонную теорію по этому вопросу. Хотя въ общемъ съ этой критикой нельзя согласиться, но въ нѣкоторыхъ пунктахъ она справедлива. Тардъ, по моему, ближе къ истинѣ, чѣмъ эволюціонисты, отмѣчая важность внутреннихъ рудиментарныхъ явленій въ правѣ.

теоріи прогресса, то необходимо объяснить: а) какимъ образомъ первобытный и дикій человѣкъ могъ подняться до современнаго состоянія цивилизаціи¹⁾; в) какимъ образомъ современные дикари застыли на примитивной стадіи, тогда какъ другія расы поднялись до уровня высокой цивилизаціи; с) если предположить, что все это найдетъ удовлетворительное объясненіе, то все же нельзя допустить, чтобы жизнь современныхъ дикарей, начавшихъ свое существованіе въ глубокой древности, была вполне тождественна съ жизнью первобытнаго человѣка; трудно допустить, чтобы эта послѣдняя съ того времени не подверглась никакимъ измѣненіямъ.

Первыя два затрудненія исчезнутъ при изученіи всего разнообразія состояній человѣчества и всего многообразія условій окружающей среды, вліяющихъ неодинаковымъ образомъ на бытъ народовъ: не слѣдуетъ забывать, что вся соціологическая эволюція представляетъ собою равнодѣйствующую изъ силъ индивидуальнаго и соціальнаго человѣка съ одной стороны и среды съ другой. Впрочемъ, затрудненіе было бы еще больше, если бы мы, вмѣсто состоянія первобытнаго дикаря, предположили полумодернизацию; какъ замѣчаетъ Леббокъ, разъ всѣ расы, очутившись въ этомъ состояніи, сдѣлались равными, то какимъ образомъ однѣ изъ нихъ могли пойти назадъ, тогда какъ другія, напротивъ, пошли впередъ? Гораздо логичнѣе и естественнѣе допустить, что состояніе застою, въ которомъ пребываетъ дикая раса,—не абсолютно, что оно является застоємъ, если мы сравниваемъ

¹⁾ На этомъ основывается аргументація Wathely. По его мнѣнію, ни одно человѣческое племя не могло выйти изъ дикаго состоянія, не встрѣтившись съ племенемъ цивилизованнымъ. По крайней мѣрѣ, нѣтъ, говоритъ онъ, историческихъ фактовъ, которые свидѣтельствовали бы о противномъ. Но Леббокъ утверждаетъ, что такіе историческіе факты невозможны, потому что ихъ существованіе явилось бы отрицаніемъ дикости того народа, который ихъ далъ. (См. Леббока и Тайлора).

его съ быстрымъ прогрессомъ нашихъ цивилизованныхъ народовъ, забывая при этомъ, что и у этихъ послѣднихъ можно найти примѣры неподвижнаго состоянія нѣкоторыхъ классовъ, составляющаго рѣзкій контрастъ съ быстрымъ развитіемъ другихъ классовъ ¹⁾).

Что касается послѣдней трудности, то нужно съ большою осторожностью пользоваться этнографическимъ методомъ ²⁾. Леббокъ говоритъ по этому поводу: „нельзя думать, что самыя дикія расы, существующія въ настоящее время, вполне изображаютъ собою состояніе первобытнаго человѣка. То обстоятельство, что эти дикари остались неподвижными, что ихъ нравы и обычаи не измѣнились въ теченіе цѣлыхъ поколѣній, создало строгую и многосложную систему навыковъ, которой у первобытнаго человѣка не было. Слѣдовательно, чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о первобытномъ состояніи, необходимо отбросить эти навыки; самый лучшій способъ для этого—сравнить между собою дикія племена, отно-

¹⁾ Напомнимъ здѣсь основныя черты теоріи Тэна, которую мы разобрали во *Введеніи* къ нашимъ *Основамъ государственнаго права* (гл. III). Чтобы понять всю важность вліянія среды, нужно обратиться, съ одной стороны, къ Дарвину, а съ другой — къ Спенсеру. См. также Шеффле — *Строеніе и жизнь соціальнаго тѣла*. Ср. объясненіе расы средою—землею въ широкомъ смыслѣ — у Теринга: *Индо-европейцы въ до-историческій періодъ*, § 17 и 33. Гипотезой полигенизма (см. Гумпловичъ, *Борьба расъ*) можно объяснить нынѣшнюю отсталость дикихъ племенъ, предполагая, что они дошли до *человѣческой жизни* позже тѣхъ, которыя достигли болѣе высокой ступени прогресса.

²⁾ Большинство ученыхъ, пишущихъ въ указанномъ смыслѣ (Спенсеръ, Леббокъ, Ковалевскій и др.), дѣлаетъ постоянныя оговорки по этому поводу, но они не всегда ихъ помнятъ. Это происходитъ отъ того, что прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію, о которомъ идетъ рѣчь, необходимо предварительно составить возможно болѣе точную классификацію различныхъ современныхъ дикихъ племенъ, чтобы установить ихъ соотвѣтственныя мѣста въ томъ относительно прогрессѣ, который имѣетъ въ виду авторъ. Отсутствие этой предварительной работы производитъ то, что даже наиболѣе разумные, какъ, на примѣръ

сящіяся къ различнымъ семействамъ человѣческаго рода“. ¹⁾

Аналогія между дикаремъ и первобытнымъ человѣкомъ и теорія самопроизвольности человѣческаго прогресса опираются на нѣкоторыя соображенія, которыя я изложу вкратцѣ. Прежде всего, исторія цивилизованныхъ народовъ не можетъ рѣшить нашего вопроса. Какъ замѣчаетъ Тайлоръ, „въ теченіе милліоновъ лѣтъ ни арійская семья, ни семитская не произвели ни одного дикаго отпрыска“; ²⁾ эти цивилизованные народы въ періодъ

Штарке, дѣлають слишкомъ поспѣшныя обобщенія и впадаютъ въ очевидныя противорѣчія. Правда, еще нѣтъ всѣхъ необходимыхъ фактовъ для успѣшнаго выполненія такой работы. Однако, не слѣдуетъ преувеличивать этого отсутствія данныхъ, какъ то дѣлаетъ Тардъ (*Transformations du droit*). Для уясненія гипотезъ, приводимыхъ въ текстѣ, припомнимъ, что говоритъ Спенсеръ (*Sociology*, т. I, стр 45): „Первобытный человѣкъ, вооруженный грубыми каменными орудіями, имѣлъ мало такихъ мѣстъ на земномъ шарѣ, которыя не были бы ни слишкомъ плодородны и обильны, ни слишкомъ неплодны, и которыя, слѣдовательно, онъ могъ бы обратить въ свою пользу“. Далѣе онъ говоритъ о состояніи застоя, которое можетъ быть вызвано отсутствіемъ желѣза, мѣди и другихъ металловъ, ибо извѣстно, „что природа среды въ соединеніи съ природой человѣка опредѣляетъ социальныя явленія“ и что „въ первобытныя времена социальная эволюція находится въ большей зависимости отъ мѣстныхъ условій, чѣмъ въ позднѣйшія эпохи“ (стр. 54). Арійцы, незнакомые съ обработкой металловъ, не знавшіе земледѣлія, занимавшіеся паствушествомъ, остались неподвижными, въ средѣ, приноровленной къ изолированной жизни. Ихъ языкъ развитѣе всѣхъ другихъ. По словамъ Шлейхера въ Hillebrand's *Jahrbücher für Nationalökonomie*, „основываясь на законахъ развитія языковъ, нужно думать, что народъ, говорящій на этомъ языкѣ, прожилъ не менѣе 10000 лѣтъ“ (Thering, названное сочиненіе, § 3, примѣч. 14). См. Шеффле, названное сочиненіе. Интересны также труды Поста, особенно *Ueber die Aufgaben einer allgemeinen Rechtswissenschaft, Der Ursprung des Rechts, Afrikanische Jurisprudenz*, и проч.

¹⁾ Начало цивилизаціи, стр. 532.

²⁾ Первобытная культура, т. I.

упадка ни разу не впали въ состояніе настоящей дикости, а—самое большее—возвратились къ состоянію относительнаго варварства. Но этого мало. Чтобы разобрать приведенныя гипотезы, необходимо разсмотрѣть вопросъ внѣ исторіи и обсудить его съ разныхъ точекъ зрѣнія. Догадки, которыя мы можемъ сдѣлать относительно временъ, о коихъ мы имѣемъ только весьма шаткія данныя, ничего еще не говорятъ о первобытномъ состояніи; кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе и то, что народъ, имѣющій исторію, не принадлежитъ къ числу первобытныхъ народовъ въ собственномъ смыслѣ. Но гипотеза первобытнаго дикаго состоянія опирается: а) на очень логичную презумпцію, что доисторическое человечество постоянно стремится замедлить свое поступательное движеніе, какъ это бываетъ и въ исторіи. б) На факты, — правда малочисленные, — даваемые изслѣдованіями въ доисторической области ¹⁾. Не касаясь оцѣнки этихъ фактовъ, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что человѣкъ каменнаго вѣка напоминалъ нынѣшняго дикаря. „Доисторическая археологія, говоритъ Тайлоръ, располагаетъ весьма счастливыми наблюденіями, позволяющими намъ узнать, что представлялъ собою первобытный человѣкъ“. Онъ прибавляетъ: „заключенія, относящіяся къ низшей стадіи дикости, нашли себѣ подтвержденіе въ пещерахъ центральной Франціи“ ²⁾. в) Изслѣдуя внимательно бытъ цивилизованныхъ народовъ, находятъ обычаи, идеи, которыя становятся понятными только въ томъ случаѣ, если разсматривать ихъ, какъ остатки предшествовавшей дикости. Тайлоръ, принадлежащій къ историкамъ первобытной цивилизаціи, называетъ эти остатки *пережитками* (survivals). Въ самомъ дѣлѣ, когда въ жизни народа происходитъ радикальный переворотъ,

¹⁾ Спенсеръ, *Соціологія*, т. I.—Леббокъ, *Доисторическій человекъ*.—Ляйель, *Древность человека*.—Д'Агуанно, названное сочиненіе.—Sales у Ferré, названное сочиненіе, и пр. и пр.

²⁾ Первобытная культура, т. I.

то часто долго спустя можно наблюдать много явленій, не соотвѣтствующихъ новымъ условіямъ и сохранившихся отъ прежняго порядка⁴. Не трудно, поэтому, найти въ цивилизованныхъ странахъ остатки варварства и древней дикости¹). Намъ бы завело слишкомъ далеко, если бы мы остановились на этомъ явленіи, съ которымъ можно познакомиться у Тайлора и Леббока, и которое оказало такую услугу Бахофену, Макъ-Леннану, Моргану и другимъ при изученіи первобытнаго общества; мы ограничимся нѣсколькими словами о наиболѣе интересной сторонѣ вопроса.

У нецивилизованнаго человѣка, благодаря его неумолимой, но недостаточной²) и невѣрной логикѣ, образуются вѣрованія, дающія начало извѣстнымъ категоріямъ нравовъ и явленій; съ теченіемъ времени, когда вѣрованія, благодаря прогрессу, измѣняются, эти нравы и явленія остаются, хотя они не имѣютъ уже прежняго значенія. Въ этомъ отношеніи дѣтскія игры заключаютъ въ себѣ много поучительнаго; въ видѣ игръ сохранились тѣ орудія, которыя въ прежнія времена служили весьма важнымъ оружіемъ (лукъ, стрѣлы, праща); другія игры, служащія въ настоящее время лишь забавой, воспроизводятъ, по мнѣнію Тайлора, нѣкоторыя страницы изъ исторіи дѣтства человѣческаго рода; таковы, напримѣръ, азартныя игры, представляющія нерѣдко *формальный пережитокъ* древняго изданія. Человѣкъ нецивилизованный думаетъ, что существуетъ извѣстное отношеніе между тѣмъ, какъ падаютъ кости, и идеями, относящимися къ этимъ костямъ³). Передающіеся изъ поколѣнія въ поко-

¹) Тайлоръ, названное сочиненіе.

²) Надо замѣтить, говоритъ Спенсеръ, что первобытный и дикій человѣкъ дѣйствуютъ всегда *разсудительно* (логично), хотя и невѣжественно. То же слѣдуетъ сказать о дѣтяхъ.

³) По словамъ Тайлора, гаданіемъ съ практической цѣлью вызвано было гаданіе въ качествѣ забавы и азартной игры.

лѣніе припѣвы, въ которыхъ можно найти фразы, имѣвшія нѣкогда совершенно иное значеніе, чѣмъ теперь; условныя формулы, значеніе которыхъ глубже, чѣмъ это намъ кажется; выраженія, имѣющія теперь лишь переносный смыслъ, тогда какъ первоначально они употреблялись въ прямомъ значеніи, — все это служитъ прекраснымъ подтвержденіемъ высказанной нами мысли. Нѣкоторыя пословицы, на которыя можно смотрѣть, какъ на остатки отъ интеллектуальнаго состоянія, предшествовавшего цивилизованному обществу; загадки, предполагающія извѣстное состояніе невѣжества, по минованіи котораго онѣ становятся простыми блестками народнаго остроумія — имѣютъ также важное значеніе для интересующаго насъ вопроса ¹⁾. Если отъ этихъ элементарныхъ явленій подняться къ болѣе сложнымъ соціально-психологическимъ феноменамъ, то можно отмѣтить нѣкоторыя суевѣрія, вѣрованія, которыя не гармонируютъ съ современной цивилизаціей, живутъ внѣ своей среды, и которыя можно объяснить только какъ пережитки отъ предыдущей эпохи; можно указать еще на употребленіе каменныхъ орудій въ религіозныхъ церемоніяхъ, долго спустя послѣ открытія желѣза и способа его утилизаціи ²⁾. Наконецъ, о соціальныхъ явленіяхъ этого рода можно сказать, что когда они кажутся непонятными и не имѣющими въ своемъ прямомъ, непосредственномъ значеніи никакого смысла, то это — остатки, имѣвшіе нѣкогда прак-

¹⁾ Тайлоръ называетъ, между прочимъ, привѣтствіе во время чиханія — очень распространенный остатокъ суевѣрія (см. Спенсера и Леббока), принесеніе въ жертву людей и животныхъ и нѣкоторые предразсудки, касающіеся попеченія объ утопленникахъ (*названное сочиненіе*, т. I, стр. 114 и сл.).

²⁾ Леббокъ спрашиваетъ, какъ объяснить употребленіе каменнаго ножа во время религіозныхъ церемоній у евреевъ и египтянъ, хотя имъ извѣстно уже было употребленіе желѣза. По мнѣнію того же ученаго, этотъ обычай указываетъ на существованіе каменнаго періода въ Палестинѣ, Сиріи и Египтѣ (*Начало цивилизаціи*).

тическое назначеніе, и если они представляются намъ безсмысленными, лишенными какого либо разумнаго основанія, то это происходитъ вслѣдствіе измѣнившихся условій ¹⁾).

Съ другой стороны, можно считать не подлежащимъ сомнѣнію тотъ фактъ, что отношенія половъ постепенно улучшаются; кромѣ того, иные писатели считаютъ неоспоримыми нѣкоторые признаки самопроизвольнаго прогресса, замѣченные у дикихъ народовъ ²⁾).

Наконецъ, если даже не признавать всѣхъ выводовъ дарвинизма и эволюціонизма, въ силу которыхъ всѣ стадіи всемірной человѣческой эволюціи синтетически сливаются въ цивилизованномъ человѣкѣ, подобно тому какъ спеціальное и общее развитіе низшихъ существъ синтетически сливаются въ каждомъ высшемъ существѣ (разсматриваемомъ въ физическомъ и химическомъ отношеніи), то все же нельзя отрицать аналогіи между дикаремъ и цивилизованнымъ человѣкомъ, наводящей на мысль о существованіи психической связи, которою обуславливаются многія сходныя черты ³⁾. А эти сходныя черты служатъ однимъ изъ доказательствъ, которыя приводятъ для обоснованія аналогіи между первобытнымъ человѣкомъ и современнымъ дикаремъ.

¹⁾ Тайлоръ, т. I, стр. 10.

²⁾ Леббокъ приводитъ слѣдующіе примѣры прогресса у дикарей: замѣна берестовыхъ челноковъ у австралійцевъ лодками, выдолбленными изъ дерева; употребленіе желѣза у Бахопиновъ; открытіе мѣди у Вайіевъ; исчезновеніе людоедства на островѣ Таити; культура картофеля у нѣкоторыхъ американскихъ племенъ; прирученіе нѣкоторыхъ животныхъ въ Перу; берестовыя ткани у Полинезійцевъ; особенное орудіе, называемое бумерангомъ у австралійцевъ; появленіе земледѣлія у Черокезовъ; изобрѣтеніе азбуки у этихъ послѣднихъ и пр. (*названное сочиненіе*, стр. 479 и сл.).

³⁾ Можно указать слѣдующія черты сходства между дикаремъ и ребенкомъ: 1) отсутствіе способности рассуждать о трудныхъ вопросахъ; 2) нерѣшительность, въ силу которой малѣйшее

5) Разъ вышеизложенныя положенія признаны, то можно вести изслѣдованіе способомъ, который я назову *позитивнымъ*, — способомъ, который не тождественъ съ *историческимъ*, который не пользуется одними лишь *сравненіями* и который нельзя назвать *этнографическимъ* въ собственномъ смыслѣ. Не слѣдуетъ забывать, что одни ученые придаютъ преувеличенное значеніе чистымъ историческимъ даннымъ, тогда какъ другіе считаютъ весьма важной этнографическую точку зрѣнія или же прибѣгаютъ къ сравнительному методу, который мѣшаетъ имъ доходить до правильныхъ обобщеній. Но неудовлетворительность узкихъ точекъ зрѣнія замѣчалась всегда, а особенно въ настоящее время, когда, благодаря нѣкоторымъ вліяніямъ, о которыхъ я говорилъ выше, изслѣдователь не довольствуется формулированіемъ общихъ мѣстъ, а стремится истолковать факты съ раціональной и идейной точки зрѣнія. Позитивный характеръ этого метода зиждется на стремленіи исторгнуть изъ самой минувшей дѣйствительности сущность идей, природу которыхъ желаютъ найти. Писатель не ограничивается констатированіемъ фактовъ, но ищетъ ихъ *raison d'être* и пытается истолковать ихъ внутреннее значеніе. Такимъ-то путемъ возможно, по моему, исправить, съ одной стороны, направленіе идеалистическое, субъективное, абстрактное, а съ другой — эмпирическій

обстоятельство можетъ отклонить ихъ отъ главной цѣли; 3) боязливость и недовѣріе, сопровождающія ихъ поступки; 4) склонность слѣдовать первому побужденію; 5) склонность повторять одни и тѣ же слоги; 6) влеченіе къ блестящимъ и яркимъ предметамъ; 7) энтузіазмъ, возбуждаемый у нихъ извѣстными дѣйствіями, служащими игрою для ребенка; 8) сходство между влеченіемъ къ кукламъ и влеченіемъ къ фетишамъ; 9) подвижность и пр. (см. Леббокъ, Спенсеръ и др.). Леббокъ говоритъ, что „библейскій Адамъ былъ дикаремъ, если судить по его привычкамъ и характеру“; къ тому же заключенію приходятъ англійскіе миссіонеры Физонъ и Говитъ (Kamilaroi and Kurnai), Жиро-Тейлонъ, Штарке и другіе.

характеръ нѣкоторыхъ положеній позитивизма, выступающій, какъ реакція, въ нѣкоторыхъ заявленіяхъ,—спльно, впрочемъ, смягченныхъ впоследствии, —Спенсера и другихъ новѣйшихъ соціологовъ¹⁾.

Глава II.

Теорія патріархата, главнымъ образомъ, по Сомнеру Мэну.

Обратимся теперь къ основному вопросу о происхожденіи общества. Само собой разумѣется, что мы не можемъ останавливаться здѣсь на всѣхъ предложенныхъ рѣшеніяхъ этой проблемы. Но придавъ имъ характеръ общихъ формулъ, можно свести ихъ къ тремъ теоріямъ: (1) теорія, приписывающая обществу сверхъ-естественное, божественное происхожденіе (2) теорія, видящая въ обществѣ результатъ человѣческой воли (договорная теорія), и (3) теорія, рассматривающая общество, какъ естественный, медленный продуктъ исторіи. Первые двѣ мы оставимъ въ сторонѣ и прямо перейдемъ—не ко всѣмъ доктринамъ, вытекающимъ изъ третьей теоріи, а къ новѣйшимъ взглядамъ, которые, вытекая изъ позитивнаго духа Аристотеля и усвоивши идеи Монтескье и исторической школы, принимаютъ ученія позитивизма. Это—теоріи историковъ первобытнаго человѣчества, соціологовъ и нѣкоторыхъ новѣйшихъ юристовъ. Онѣ сводятся къ двумъ главнымъ теоріямъ.

Первая, опирающаяся на юридическія и политическія изслѣдованія и находящая по сію пору горячихъ защитниковъ, называется теоріей *патріархата*. Это простая, легко формулируемая теорія, отличающаяся логической законченностью и соотвѣтствующая такому пониманію человѣческаго общества, въ силу котораго развитіе

¹⁾ На это указываютъ Тайлоръ, Спенсеръ, Леббокъ, Штарке, Ковалевскій, Жиро-Тейлонъ, Д'Агуанно, Макъ-Леннанъ и друг.

этого послѣдняго представляется рядомъ концентрическихъ круговъ, появлявшихся на свѣтъ съ большей или меньшей правильностью, но въ послѣдовательномъ порядкѣ. „Государство, говоритъ Ланге ¹⁾, образовалось путемъ разростанія семьи, которая развивалась естественнымъ образомъ, обратившись сначала въ родъ, потомъ въ племя (трибу)...; соединеніе нѣсколькихъ племенъ (трибъ) приводитъ къ необходимости дать положительную политическую форму патріархальнымъ организаціямъ, которыя нужно считать первоначальными“. По этой теоріи точкой отправленія является первая пара, моногамическій брачный союзъ, обнимающій первобытную семью съ сыновьями и ихъ семействами, — союзъ, преобразовавшійся путемъ однообразнаго послѣдовательнаго развитія въ родъ, племя (трибу), общину, націю и проч. Можно назвать цѣлый рядъ выдающихся писателей, которые признаютъ эту теорію. Сюда относятся, кромѣ Ланге, Нибуръ, Момсенъ, Тирваль, Гротъ, Гэрнъ; но Сомверъ Мэнъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые отстаиваютъ ее съ наибольшей горячностью и шагъ за шагомъ опровергаютъ аргументы приверженцевъ противоположныхъ теорій. Что касается социологовъ, то по теоріи Де-Греефа, социальная связь имѣетъ своимъ первоначальнымъ динамическимъ центромъ парную моногамическую семью.

Чтобы понять патріархальную теорію, необходимо имѣть въ виду тѣ вліянія, подъ которыми она сложилась, духъ, вызвавшій ее на свѣтъ, и даже предрассудки, ее поддерживающіе; и это будетъ вполне понятно, если принять во вниманіе, что для приверженцевъ патріархата, рассматриваемаго, какъ древняя форма человѣческаго общества, вопросъ о происхожденіи этого послѣдняго ограничивается предѣлами историческихъ данныхъ.

¹⁾ Römische Alterthümer, т. I, стр. 90, цит. Жиро-Тейлломъ, *Origines*, стр. 373.

Въ самомъ дѣлѣ, если не считать уклоненій въ пылу полемики, то для изученія этого вопроса обыкновенно берется великая арійская семья, причемъ изученіе это ведется при свѣтѣ римскаго, греческаго или индускаго права съ нѣкоторыми экскурсіями къ кельтскимъ племенамъ, по преимуществу ирландскимъ. Кроме того, опредѣляя первобытныя соціальныя формы, ученые неизбѣжно подчиняются вліянію) библейской теоріи первой пары и сильно опираются на нѣкоторые намеки, сдѣланные Дарвиномъ въ *Происхожденіи человека*. Но что, можетъ быть, болѣе всего повліяло на эту точку зрѣнія, это—теорія современной формы общества, рассматривающая семью, какъ первую *клеточку* и какъ послѣдній и не поддающійся дальнѣйшему сокращенію типъ простѣйшихъ соціальныхъ формъ. Тутъ дѣлаютъ можетъ быть большую ошибку въ исторической перспективѣ, примѣняя черты современныхъ построеній къ древнѣйшимъ и наиболѣе примитивнымъ формамъ.

Понятно, что нѣтъ ничего легче, какъ опредѣлить происхожденіе государства при помощи такой теоріи: „Первобытное состояніе человѣческаго рода это то, что называютъ *состояніемъ патриархальнымъ*“¹⁾. (Какъ утверждаетъ Сомнеръ Мэнъ, первобытное общественное состояніе должно было представлять *замкнутую*, независимую семью, зиждущуюся на родственной связи между отцомъ (главою съ сильной дискреціонной властью, воля котораго—законъ²⁾), матерью и дѣтьми. Это тѣсная группа, сама себя удовлетворяющая въ извѣстныхъ отношеніяхъ и исполняющая въ своей собственной сферѣ роль *государства*.| Человѣкъ, говоритъ знаменитый ученый, появляется первоначально въ видѣ изолированныхъ группъ, находящихся—каждая—подъ властью отца семейства³⁾).

¹⁾ Сомнеръ Мэнъ, *Древнее право*, стр. 117.

²⁾ См. *Древнее право*, стр. 118.

³⁾ Вотъ какъ Сомнеръ Мэнъ формулируетъ свою патриархальную теорію: „Это—теорія, видящая начало общества въ раз-

Основываясь на библейскихъ данныхъ, онъ утверждаетъ, что „старшій членъ по восходящей линіи, старшій мужчина, есть абсолютный хозяинъ въ семьѣ; онъ имѣетъ право жизни и смерти надъ своими сыновьями и всей семьею, какъ надъ рабами; словомъ, отношенія отца къ сыну отличаются отъ отношеній господина къ рабу лишь тѣмъ, что сынъ нѣкогда можетъ стать главою семьи. Всѣ сыновья принадлежатъ отцу, а имущество, которымъ послѣдній владѣетъ скорѣе какъ должностное лицо, чѣмъ какъ собственникъ, распредѣляется послѣ его смерти въ равныхъ доляхъ между нисходящими первой степени, за исключеніемъ того случая, когда старшій сынъ получаетъ вдвое больше другихъ. Такое именно заключеніе можно вывести изъ того, что сообщаетъ Св. Писаніе: мы узнаемъ здѣсь о первой атакѣ, направленной противъ отцовской власти. Семейства Якова и Исава раздѣляются и образуютъ двѣ отдѣльныя народности; но семьи сыновей Якова остаются вмѣстѣ и образуютъ народъ, въ которомъ мы находимъ первую форму государства или республики и правовой порядокъ, стоящій выше семейныхъ отношеній. „Нѣсколько дальше авторъ яркими красками изображаетъ ту интимную, тѣсную связь, которая лежитъ въ основѣ семьи, и доказываетъ, что общество есть союзъ семействъ, а не индивидуумовъ. Кромѣ того, общество растетъ и усложняется посредствомъ все увеличивающагося растяженія круга, его объемлющаго, такъ что получаютъ концентрическія наслоенія. Въ началѣ раз-

ныхъ семьяхъ, члены которыхъ соединены подъ властью и покровительствомъ самаго старшаго мужчины по восходящей линіи... Управляетъ тотъ, кто умнѣе и сильнѣе всѣхъ. Онъ ревниво оберегаетъ свою жену или женъ; живущіе подъ его покровительствомъ—всѣ равны между собою. Незаконнорожденный, которому онъ даетъ свое покровительство, чужеземецъ, котораго обстоятельства заставляютъ служить этой семьѣ, ничѣмъ не отличаются отъ сына, принадлежащаго къ семьѣ по рожденію“... (*Древнее право*, стр. 260, 263 и 264).

витія примитивныхъ обществъ замѣчается тенденція къ изолированію семей, которыя сильно разрастаются и становятся съ теченіемъ времени настоящими государствами. Родъ, триба вырабатываются долгимъ историческимъ процессомъ, при чемъ не прекращаетъ своего существованія и семья, это естественное и самопроизвольное внутреннее ядро, патріархальный складъ котораго сообщаетъ соотвѣтственный характеръ высшимъ социальнымъ организаціямъ.

Независимо отъ внутренней цѣнности положеній, поддерживающихъ патріархальную теорію, противъ которой существуетъ, какъ увидимъ ниже, столько возраженій и въ защиту которой Сомнеръ Мэнъ высказываетъ столько удивительныхъ вещей¹⁾,—для преслѣдуемой нами цѣли необходимо привести нѣсколько важныхъ выводовъ. Прежде всего теорія патріархата устанавливаетъ за родственной связью историческое старшинство и признаетъ совмѣщеніе всѣхъ потребностей юридическаго порядка (позднѣйшей основы политическаго государства) въ жизни и организаціи семьи: „Послѣднія изслѣдованія по первобытной исторіи обществъ, говоритъ Мэнъ, позволяютъ утверждать, что родство есть самый древній связующій элементъ человѣческихъ общинъ²⁾. Родство является связующимъ элементомъ общежитія не только въ отдаленныя времена патріархальнаго строя, но и въ періодъ позднѣйшей социальной формаціи—племени (трибы).

Изъ предыдущаго видно, что триба — прежде всего родственныи союзъ, получаемый иногда при помощи сложныхъ фикцій.

Другой важный выводъ состоитъ въ томъ, что великій социальный переворотъ, вызывающій учрежденіе

¹⁾ См. въ особенности этюдъ о *патріархальной семьѣ*.

²⁾ См. *Первобытныя учрежденія. — Родство, рассматриваемое какъ основа общества*, стр. 81.

политической власти и государства (какъ слѣдствія ея), обязанъ своимъ существованіемъ возникновенію общежитія. „Съ того момента, какъ триба занимаетъ опредѣленную территорію, чтобы поселиться на ней окончательно, основой соціальной организаціи, вмѣсто родства, становится земля, почва ¹⁾. Эта замѣна совершается медленно, а замѣтить ее во многихъ случаяхъ очень трудно, потому что существуютъ промежуточные типы, какъ напримѣръ *сложная семья* у индусовъ, греческій *genos*, ирландскій *sept*. „Политическая исторія, говоритъ Мэнъ, начинается съ идеи, что общность крови есть единственная основа общности политической роли; но ни одинъ переворотъ не былъ такъ радикаленъ, какъ тотъ, который наступилъ, когда совмѣстная жизнь на одной землѣ впервые сдѣлалась основой политической общности“ ²⁾.

Нѣкоторые вопросы, которые я намѣренъ здѣсь поставить, чтобы съ ихъ помощью въ послѣдствіи рѣшить нашу главную задачу, вытекаютъ изъ общаго смысла патріархальной теоріи: 1) Можно ли разсматривать первобытное человѣчество, какъ союзъ независимыхъ и опредѣленныхъ патріархальныхъ семей, а политическое государство, какъ продуктъ позднѣйшій? 2) Представляетъ ли кровное родство ту первобытную соціальную связь, которая одна опредѣляетъ собою образованіе общежитія, а совмѣстная жизнь на временной или постоянной территоріи первоначально не оказываетъ никакого вліянія? 3) Можно ли разсматривать человѣческую эволюцію, какъ строгое преемство соціальныхъ формъ, подобное тому, о которомъ мы только что говорили?

Перейдемъ теперь къ противоположнымъ теоріямъ.

¹⁾ *Ibid*, стр. 91.

²⁾ *Ibid*, стр. 95.

Глава III.

Теоріи, противоположныя патріархальной, ихъ главные отличительныя черты.—Теоріи Бахофена, Макъ-Леннана и Моргана.

Строго говоря, эти теоріи не имѣютъ такого опредѣленнаго характера, какъ предыдущая, и не могутъ быть названы однимъ именемъ. Не всѣ признаютъ исключительное господство матриархата, хотя главная отличительная черта ихъ состоитъ въ признаніи такого всемірнаго соціальнаго состоянія, когда власть находилась въ рукахъ женщины. Не всѣ также допускаютъ существованіе первобытнаго безпорядочнаго полового сожительства, и термины: *инеконкратія* и *гетеризмъ*, употребляемые Бахофеномъ и принятые Sales у Ferré, не могутъ ихъ характеризовать. Сомнеръ Мэнъ замѣчаетъ, что оба наиболѣе выдающихся представителя этого направленія (чтобы не сказать — теоріи), Макъ-Леннанъ и Морганъ, приходятъ къ противорѣчивымъ заключеніямъ. Но если трудно соединить подъ общимъ названіемъ Бахофена, Макъ-Леннана, Моргана, Леббока, Энгельса, Ковалевскаго, Жиро-Тейлона и Спенсера, то все-таки можно считать ихъ принадлежащими къ одному направленію, такъ какъ всѣ они возстаютъ противъ патріархальной теоріи и признаютъ, что [патріархальной семьѣ предшествовало еще болѣе древнее общественное состояніе, будетъ ли то моногамія, полигамія или примитивное абсолютное безпорядочное сожительство.

Изложимъ, хотя бы вкратцѣ, развитіе и отличительныя черты изслѣдованій перечисленныхъ писателей, принадлежащихъ къ направленію, которое является господствующимъ (хотя въ настоящее время поднялась сильная реакція противъ него) въ ученіи о первобытномъ состояніи человѣчества. Бахофенъ ¹⁾ и Макъ-Леннанъ ²⁾ мо-

¹⁾ *Das Mutterrecht.*

²⁾ *Primitive marriage.—The Patriarchal Theory.*

гуть считаться творцами этого направленія; они приходятъ къ одинаковымъ результатамъ, хотя и смотрятъ на предметъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Оба имѣютъ себѣ прямыхъ предшественниковъ въ лицѣ писателей XVIII вѣка¹⁾; но слѣдуетъ замѣтить, что они подняли материнское право на уровень научной теоріи, тогда какъ въ литературѣ XVIII вѣка встрѣчаются лишь аргументы противъ патріархальной теоріи. Бахофенъ главнымъ образомъ изучаетъ и толкуетъ мифы: „Мифическое преданіе говоритъ онъ, заключаетъ въ себѣ вѣрное отраженіе жизни тѣхъ эпохъ, въ которыхъ кроется зародышъ исторической эволюціи древняго міра; это—выраженіе первобытныхъ представленій, непосредственное историческое откровеніе и слѣдовательно источникъ колоссальной важности. Во все время поэзія безсознательно отражаетъ въ себѣ законы окружающей ее жизни²⁾“. Исходя изъ этой мысли и признавая за религіей великое *импульсивное* вліяніе, онъ посредствомъ разбора нѣкоторыхъ очень интересныхъ мифовъ приходитъ къ заключенію, что въ теченіе продолжительной первобытной эпохи женщина играла первенствующую роль въ социальномъ и политическомъ отношеніи.

Мы не можемъ подробно излагать здѣсь содержаніе весьма интересной книги Бахофена, но существенные моменты ея необходимо привести. (Полюсами моральной жизни человѣка въ первобытные времена являются половой инстинктъ и дѣторожденіе³⁾). Въ силу этого за кровной связью признается, согласно теоріи Сомнера Мэна,

¹⁾ Жиро-Тейлонъ называетъ П. Лафито.

²⁾ *Das Mutterrecht*, стр. 7.

³⁾ Бахофенъ забываетъ вліяніе совмѣстной жизни въ одномъ и томъ же мѣстѣ и упускаетъ изъ вида существованіе первобытныхъ народовъ, у которыхъ половой инстинктъ очень слабъ, и о которыхъ говоритъ Спенсеръ въ своихъ *Основаніяхъ социологии*, т. II, стр. 293.

историческое старшинство, а родство считается первичной силой.

Соціальная еволюція во всѣхъ своихъ стадіяхъ представляетъ продуктъ кровной связи. По мнѣнію Бахофена, начальнымъ моментомъ является *матерізмъ*, какъ первый всемірный соціальный фактъ. Но преобладаніе мужчины продолжается не долго; благодаря естественному положенію женщины, которая сама воспитываетъ своихъ дѣтей и легче укрощаетъ ихъ страсти, люди переходятъ къ браку съ господствомъ женщины, т. е. возникаетъ *матриархія*, которую мы находимъ въ выродившейся формѣ у амазонокъ. Лишь позднѣе происходитъ возвращеніе къ союзу, въ которомъ мужчина снова присвоиваетъ себѣ первенствующую роль, можетъ быть, окончательно. Факты, на которые опирается Бахофенъ, сводятся къ слѣдующему: 1) родство считается по матери; 2) господство многочисленныхъ безнравственныхъ обычаевъ; 3) полиандрія, и 4) главнымъ образомъ мифы (Беллерофонъ, Перпатти и др.).

Изученіе символовъ играетъ для Макъ-Леннана такую же роль, какъ толкованіе мифовъ для Бахофена¹⁾. Этимъ путемъ онъ объясняетъ или истолковываетъ множество обычаевъ, бросающихъ свѣтъ на состояніе первобытнаго человѣка. Символь—это живой образъ прошлыхъ судебъ того народа, у котораго онъ существуетъ, и если мы, сверхъ того, встрѣчаемъ у первобытныхъ народовъ обычаи, имѣющіе дѣйствительное значеніе и напоминающіе символическіе обряды цивилизованнаго народа, то мы можемъ утверждать, что этотъ послѣдній пережилъ соціальное состояніе, сходное съ состояніемъ первобытныхъ народовъ. Такъ, напримѣръ, символическое похищеніе невѣсты напоминаетъ ту эпоху, когда женщины дѣйствительно похищались для вступленія съ ними въ бракъ. Нѣтъ надобности долго останавливаться на те-

¹⁾ *Studies in ancient history*, стр. 6.

оріи Макъ-Леннана. Скажу только, что бракъ захватомъ, существующій еще у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ, и обычай убіенія дочерей легко объясняются этой теоріей. Точно также, путемъ послѣдовательныхъ разсужденій можно прійти къ объясненію того, что этотъ ученый первый назвалъ *экзогаміей* и *эндогаміей*; съ этой точки зрѣнія первобытная соціальная жизнь представляется въ видѣ брачныхъ группъ, соединенныхъ кровной связью и сложившихся (согласно *логическому*, но неправильному толкованію) подъ вліяніемъ этой же кровной связи. По теоріи Макъ-Леннана, первобытное человѣчество должно было жить не семьями, а разнородными группами, имѣющими каждая свой особый *тотемъ* или значекъ, растение или животное, на которое по истеченіи извѣстнаго промежутка времени начинаютъ смотрѣть, какъ на предка всей общины. Въ предѣлахъ послѣдней отсутствуетъ всякая правильность, такъ какъ здѣсь господствуетъ абсолютное безпорядочное половое сожителство. Какъ вышло человѣчество изъ этого состоянія? Вопросъ этотъ разрѣшается посредствомъ изученія символовъ и обычаевъ экзогаміи, эндогаміи, убіенія дочерей. Во всякомъ случаѣ, оба взгляда (Бахофена и Макъ-Леннана) сходятся въ признаніи высокой важности или—вѣрнѣе—исключительной цѣнности за кровной связью, какъ причиною, имѣющей рѣшительное вліяніе на соціальную жизнь, и въ отрицаніи опредѣленной, конкретной семьи, признаваемой теоріей патріархата.

По ученію Бахофена и Макъ-Леннана, первоначально не существовало политическаго общества; при господствовавшей въ то время грубости и дикости человѣчества возможна была только матеріальная кровная связь.

Къ названнымъ двумъ ученымъ примыкаетъ извѣстный американскій писатель, Льюисъ Морганъ ¹⁾. Можно

¹⁾ *Ancient Society*, 1877.

сказать, что работы этихъ трехъ авторовъ и изслѣдованія миссіонеровъ Физона и Говита ¹⁾ объ австралійскихъ племенахъ составляютъ, какъ выражается Жиро-Тейлонъ, основу современныхъ теорій о происхожденіи общества ²⁾. Морганъ долгое время изучалъ системы родства у разныхъ американскихъ племенъ и сдѣлалъ попытку построить теорію происхожденія и развитія человѣческаго общества посредствомъ истолкованія номенклатуры родственниковъ, которая, по его мнѣнію, указываетъ либо на современное состояніе соціального строя, либо на предыдущее состояніе его, если она не соотвѣтствуетъ реальной дѣйствительности, а является скорѣе остатками отъ прошлой жизни, потерпѣвшей потомъ измѣненіе. Трудъ Моргана, который временами кажется несомнѣнно фантастическимъ, замѣчателенъ тѣмъ, что соціалисты считаютъ его, какъ это видно изъ книги Энгельса ³⁾, наилучшимъ синтезомъ *матеріалистическаго* воззрѣнія на исторію, т. е. на исторію въ томъ ея видѣ, какъ этого требуетъ соціалистическая идея будущаго, чтобы быть логичной и обоснованной. Морганъ различаетъ въ исторіи два періода производства: въ первый періодъ господствующимъ моментомъ является производство самого человека (дѣторожденіе) и, слѣдовательно, семья, придающая родственныи характеръ соціальному строю; во второй господствуетъ производство средствъ существованія, которыя преобразуютъ старое общество, основанное на кровной связи, въ политическое общество, составныя

¹⁾ Kamilaroi and Kurnai, 1880.

²⁾ Нужно замѣтить, что, сходясь въ нѣкоторыхъ пунктахъ, теоріи Макъ-Леннана и Моргана діаметрально противоположны въ деталяхъ. Болѣе того, нѣкоторые сторонники Моргана, какъ напримѣръ Энгельсъ (*Происхожденіе семьи*) рѣзко нападаютъ на Макъ-Леннана. Сомнѣръ Мэнъ воспользовался этимъ разногласіемъ между Макъ-Леннаномъ и Морганомъ для защиты собственной точки зрѣнія относительно первобытнаго патріархата.

³⁾ *Происхожденіе семьи*.

части котораго—не родственныя группы, а территориальныя единицы. Эти два противоположные періода являются въ трехъ главныхъ формахъ, характеризующихъ три различныя эпохи: эпоху дикости, эпоху варварства и эпоху цивилизаціи, изъ которыхъ каждая подраздѣляется на низшую, среднюю и высшую ступени ¹⁾. Въ своемъ трудѣ Морганъ разсматриваетъ социальную эволюцію въ эпохи дикости и варварства, какъ эволюцію семьи, объясняющей другія социальныя формы — родъ и племя (трибу).

Социальная эволюція соотвѣтствуетъ названнымъ эпохамъ, такъ какъ жизнь первобытнаго общества есть жизнь родственниковъ, индивидуумовъ, связанныхъ кровными узами, а дальнѣйшее развитіе выражается во внутреннемъ различіи степеней родства. Какъ дошелъ Морганъ до установленія состояній этого рода? Онъ изслѣдовалъ названія различныхъ степеней родства, преимущественно у американскихъ индейцевъ, которыя не соотвѣтствуютъ нынѣшнему семейному строю этихъ послѣднихъ, тогда какъ вполне согласуются съ устройствомъ семьи на Гавайскихъ и Сандвичевыхъ островахъ, гдѣ, однако, существуютъ другія названія родственниковъ, напоминающія (или выражающія собою) болѣе древнюю форму семьи ²⁾. Преемственная связь этой социальной организаціи (человѣческой семьи) представляется въ слѣдующемъ видѣ. Точкой отправленія служитъ, по Бахофену, Леббоку, Жиро-Тейлону и Sales у Ferré, первобытное беспорядочное половое сожителство. Въ предѣлахъ племени половыя сношенія не подчинены никакой регламентаціи и никакимъ ограниченіямъ. Отъ

¹⁾ *Названное сочиненіе*, гл. I: *Ethnical periode*.

²⁾ „Семья, говоритъ Морганъ, есть активный элементъ; она не остается неподвижной, а переходитъ отъ низшей формы къ высшей, по мѣрѣ того, какъ общество развивается. Системы родства, напротивъ, пассивны, только изрѣдка замѣчается въ нихъ нѣкоторый прогрессъ“...

этой грубой, животной жизни люди переходятъ къ *кровосмѣсительной* семьѣ ¹⁾, гдѣ брачныя группы различаются поколѣніями. Прогрессъ состоитъ въ устраненіи полового сожитія между родителями и ихъ дѣтьми. За этой формой слѣдуетъ затѣмъ семья *пуналуа* (терминъ Моргана), которая исключаетъ половое сожитіе братьевъ съ сестрами ²⁾. Не трудно понять, какія внутреннія измѣненія въ социальномъ строѣ должно было вызвать это ограниченіе сферы полового сожитія. Измѣненія совершаются прогрессивно, различными этапами, которые, при сравненіи съ современными формами семьи, кажутся намъ очень странными; это происходитъ отъ того, что предѣлы брачнаго союза устанавливаются въ зависимости отъ естественнаго распредѣленія власти, создаваемого тѣмъ фактомъ, что мать ребенка известна, а отецъ неизвѣстенъ. Морганъ и его сторонники утверждаютъ, что большая часть социальныхъ формаций, зарегистрированныхъ въ исторіи (напр. родъ), является слѣдствіемъ этихъ перемѣнъ, происшедшихъ въ половыхъ сношеніяхъ. Третья ступень семьи—*синдіасмическая* (отъ греческаго *syndiazo*), предполагающая преобразование групповыхъ брачныхъ союзовъ, существованіе которыхъ, благодаря эндогаміи, стало весьма затруднительнымъ, и основанная на временномъ сожитіи одного мужчины съ одной женщиной. Нѣсколько такихъ союзовъ соединяются вмѣстѣ въ одну общину, въ которой все является общимъ, за исключеніемъ половыхъ сношеній ³⁾. Эта форма семьи приводитъ къ моногаміи. Благодаря синдіасмической семьѣ, а также обычаямъ, препятствующимъ образованію брачныхъ союзовъ иного рода,—напримѣръ, благодаря тому значенію, которое пріобрѣтаетъ женщина, принадлежа *только* своему мужу,—семья преобразуется сначала въ *патріархальную*, а потомъ въ *моногамическую*.

¹⁾ Названное сочиненіе, стр. 27.

²⁾ Названное сочиненіе, стр. 384 и 324.

³⁾ *Ancient Society*, стр. 433 и слѣд.

Я не стану вдаваться здѣсь въ оцѣнку тѣхъ данныхъ, съ которыми оперируетъ Морганъ, и того значенія, которое имѣетъ номенклатура родственниковъ для открытія истинной соціальной эволюціи ¹⁾ Ограничусь тѣмъ же замѣчаніемъ, которое я сдѣлалъ относительно предыдущихъ теорій, т. е. отмѣчу важность семейнаго элемента и кровной связи, въ ихъ видоизмѣненіяхъ у различныхъ народовъ, для объясненія соціальной эволюціи. Морганъ показываетъ, какъ и почему образовался родъ; Энгельсъ разсматриваетъ этотъ вопросъ очень подробно. Временные брачные союзы, при господствѣ семьи *нуналуа* и ея анти-соціальныхъ тенденціяхъ, укрѣпляются и упрочиваются по мѣрѣ того, какъ образуется родъ, увеличивающій число братьевъ и сестеръ, между которыми бракъ воспрещается. Морганъ устанавливаетъ также соціальный характеръ брака, возможнаго только между членами различныхъ родовъ. Всегда кровная связь опредѣляетъ форму общества. *Родъ* (латинское *gens*, греческое *genos*, санскритское *gianas*) какъ у прокезовъ (прокезскій родъ есть предшественникъ греческаго), такъ и у классическихъ народовъ, представляетъ собою родственную группу, обнимающую всѣхъ лицъ, признающихъ свое прямое происхожденіе отъ опредѣленнаго родоначальника, основателя этого *рода*. Отношеніе членовъ одного *рода* къ членамъ другого опредѣляется кровной связью, смотря по большей или меньшей отдаленности родства. Союзъ нѣсколькихъ родовъ образуетъ *фратрію*, или, вѣрнѣе, *фратрія* слагается изъ наиболѣе родственныхъ родовъ такъ что племя состоитъ изъ всѣхъ родовъ, имѣющихъ общее происхожденіе. Но, не принимая въ соображеніе такую сложную соціальную организацію рода и племени

¹⁾ Этотъ вопросъ подробно разсматривается Физономъ и Говитомъ, Леббокомъ, Энгельсомъ, Постомъ, Жиро-Тейлономъ, Sales у Ferré. Система Моргана оспаривается Макъ-Леннаномъ и Штарке. Аргументація послѣдняго интересна. См. его *Первобытную семью*, гл. IV.

(съ ихъ собраніями и совѣтами) и союза пяти племенъ, составляющихъ ирокезскую федерацію, Энгельсъ¹⁾, излагая трудъ Моргана, говоритъ, что этотъ авторъ описалъ во всѣхъ деталяхъ организацію ирокезскаго общества²⁾ потому, что оно даетъ случай познакомиться съ такимъ обществомъ, которое еще не знало государства: „Мы видимъ, прибавляетъ онъ, что все устройство *рода, братрин* и *племени* вытекаетъ изъ одного начала. Всѣ три представляютъ собою группы различной ступени кровнаго родства“.

Глава IV.

Теорія Жиро-Тейлона.

Можно сказать, что теоріи Бахофена, Макъ-Леннана и Моргана дополняютъ другъ друга, потому что каждый изъ нихъ ведетъ свое изслѣдованіе съ иной точки зрѣнія. Къ счастью мы имѣемъ и другія изслѣдованія, которыя, пользуясь этими работами, развиваютъ ту же теорію въ болѣе понятномъ и болѣе общемъ видѣ. Произведеніе Жиро-Тейлона³⁾ представляетъ собою одно изъ лучшихъ

¹⁾ *Названное сочиненіе*, стр. 81 и 82 (рус. пер., 1895).

²⁾ См. Морганъ, *названное сочиненіе*, стр. 122.

³⁾ Изложивъ въ своемъ *Происхожденіи брака и семьи* основной характеръ изслѣдованій Бахофена, Макъ-Леннана, Моргана, Физона и Говита, Жиро-Тейлонъ говоритъ: „Эти фундаментальные труды бросаютъ яркій свѣтъ на происхожденіе древнихъ обществъ, и хотя они преслѣдуютъ разныя цѣли и изложены разными методами, однако между ними есть логическая связь, благодаря которой ихъ можно сравнивать. Поэтому мы у нихъ взяли нѣкоторыя существенныя идеи для настоящаго очерка: у Бахофена мы взяли понятіе о материнской семьѣ и о наслѣдованіи племянника со стороны матери; у Моргана—малайскія и турганскія системы родства; у Макъ-Леннана—законъ экзогаміи, хотя мы его объясняемъ иначе; наконецъ у Физона и Говита—картину австралійскихъ брачныхъ обществъ“. *Sociologia* Sales у Ferré имѣетъ характеръ аналогичный съ этой работой.

изложеній этого вопроса, какія только мы знаемъ; ибо книга Леббока ¹⁾ въ нѣкоторыхъ пунктахъ расходится съ интересующимъ насъ теперь направлениемъ, а труды Штарке ²⁾ и Спенсера совершенно самостоятельны. Произведение Жиро-Тейлона имѣетъ еще и то преимущество, что оно изложено очень ясно и отличается, съ своей точки зрѣнія, достаточной полнотой. Оно, повидимому, предназначено для большого круга читателей.

Первымъ основнымъ положениемъ является, по мнѣнію Жиро-Тейлона, существованіе у первобытнаго человечества абсолютнаго коммунизма. Отношенія половъ лишены тогда всякой правильности, а исключительнаго права на женщину въ формѣ брака ³⁾ не существуетъ. „Названія родственниковъ, употребляемыя у малайцевъ Полинезіи и Индійскаго архипелага, наводятъ, говоритъ онъ, на мысль, что система семьи у этихъ островитянъ возникла въ формѣ группы кровныхъ родственниковъ, живущихъ въ состояніи брачнаго коммунизма“; далѣе онъ прибавляетъ: чѣмъ ниже спускаться по лѣстницѣ цивилизаціи, тѣмъ многочисленнѣе становится брачная группа“. Устанавливая съ большею ясностью, чѣмъ всѣ другіе, нѣкоторые выводы, вытекающіе изъ этого положенія, авторъ замѣчаетъ, что *беспорядочное половое сожителство*, равно какъ групповой бракъ и вся первобытная социальная организація придаютъ общежитію значеніе личности; индивидуумъ — не личность, онъ лишь часть группы... Только эта общность порождаетъ права и обязанности“ ⁴⁾. Нѣсколько далѣе онъ еще разъясняетъ эту мысль и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ склонность видѣть въ родствѣ активный элементъ, движущій социальную жизнь впередъ. „Организація большихъ массъ

¹⁾ *Начало цивилизаціи.*

²⁾ *Первобытная семья.*

³⁾ *Названное сочиненіе, глава I.*

⁴⁾ Стран. 88, 89, 90, 91.

на почвѣ родства имѣла въ древнія времена то значеніе, что многочисленность служила эквивалентомъ отсутствовавшей тогда національной сплоченности и политической силы“ ¹⁾.

Далѣе, признавъ такое важное значеніе за групповымъ бракомъ и общностью, авторъ необходимо долженъ былъ признать племя (трибу) „первичнымъ единеніемъ“, представляющимъ собою союзъ людей, связанныхъ между собою общностью происхожденія, имѣющихъ одинъ и тотъ же *тотемъ*, признающихъ общность крови у всѣхъ своихъ членовъ, причемъ эти послѣдніе въ свою очередь раздѣлены на группы, изъ коихъ каждая имѣетъ свой особый *тотемъ*, говоритъ на одномъ и томъ же языкѣ и живетъ на одной и той же территоріи.

Племя, специфическая особенность котораго состоитъ въ общности крови, даетъ начало, посредствомъ дезинтеграціи, соціальному многообразію. Для доказательства этой мысли Жиро-Тейлонъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ. Ирокезскія (Морганъ), австралійскія и другія племена даютъ историческое основаніе этой теоріи. Въ предѣлахъ племени, *фратрія* опредѣляется различіемъ въ крови, а изъ *фратріи* выдѣляется *кланъ*. „Исторія первобытныхъ народовъ американскаго материка показываетъ, что у нихъ всегда существовали эти три великихъ института, господствующихъ въ началѣ варварскаго состоянія общества: племя (триба), *фратрія*, *кланъ*... У аборигеновъ Америки институты эти не носили той политической окраски, которая всегда отличала арійскую расу отъ всѣхъ другихъ“ ²⁾. У Жиро-Тейлона, какъ и у тѣхъ ученыхъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ находится, замѣчается склонность проводить рѣзкую границу между обществомъ, основаннымъ на родствѣ, и обществомъ политическимъ; ибо онъ допускаетъ существованіе эпохи, когда сохра-

¹⁾ Стр. 201.

²⁾ Стр. 168.

неніе вида, кровная связь и общій родоначальникъ служили почвою, на которой вырабатывался высшій дѣйствующій законъ — социальный и религіозный. Эта же вѣра въ великую силу родственной связи приводитъ его къ признанію преобладающей роли женщины въ первобытномъ обществѣ и къ утвержденію, что „материнство было великой религіозной и политической функціей египетской царицы“¹⁾.

Какимъ же образомъ совершается социальная эволюція, исходнымъ пунктомъ которой служитъ *интимный союзъ группы*, основанной на принципѣ *однородности*? Посредствомъ органическаго распадeнiя на аналогичныя группы. Жиро-Тейлонъ называетъ одинъ очень интересный элементъ этого процесса, именно: индивидуума. „Мало-по-малу, говоритъ онъ, связь, соединяющая индивидуума съ группою, ослабляется... права индивидуума укрѣпляются“. Но это имѣетъ мѣсто уже *послѣ* такой исторической эпохи, когда *племя, фратрія и кланъ* представляютъ собою общества родственниковъ: „Первыя общества, говоритъ онъ, всегда являются группами родственниковъ: различія между ними обязаны своимъ существованіемъ скорѣе неодинаковости развитія, чѣмъ различію въ самой ихъ природѣ“. Они извѣстны подъ разными названіями у разныхъ народовъ, но они всегда имѣютъ одну общую черту — связь родства. „Исторія развитія всѣхъ этихъ родственныхъ группъ, — племенъ, фратрій, клана, — различныя состоянія которыхъ опредѣляются, кажется, эволюціей права собственности, аналогична, кажется, у всѣхъ древнихъ народовъ Азіи, Европы и Америки; американцы, однако, не достигли состоянія настоящаго политическаго общества и, какъ, напримѣръ, мексиканцы, остались на уровнѣ федераціи племенъ, т. е. института, основаннаго на родствѣ. Политическое общество въ собственномъ смыслѣ возникло лишь

¹⁾ Стран. 240 и 241.

тогда, когда право личности и территориальное раздѣленіе прекратили существованіе этихъ институтовъ... Послѣдовательный порядокъ этихъ группъ всегда былъ одинаковый... сначала племя, потомъ *фратрія*, затѣмъ *кланъ*, наконецъ, *семья*¹⁾).

Такой способъ установленія историческихъ эпохъ, различающихся между собою по существу, создаетъ нашему автору большія затрудненія, потому что однимъ принципомъ родства невозможно объяснить природу *клана*, *племени*, *рода*; это — социальные типы, стоящіе на рубежѣ между обществами домашними (*domestiques*) и политическими; ниже мы подробнѣе остановимся на этомъ вопросѣ. Жиро-Тейлонъ обходитъ затрудненіе, различая общества, въ основѣ которыхъ лежитъ происхожденіе по женской линіи (это всегда домашнія общества), и такія, которыя имѣютъ патриархальное начало. „Въ то время, какъ материнскія общества зиждутся на естественной и обязательной кровной связи, общества отцовскія должны были имѣть въ своей основѣ право собственности группы людей, связанныхъ между собою добровольными узами... Такимъ образомъ, агнатическая семья представляетъ собою въ нѣкоторомъ родѣ сознательный союзъ; союзъ этотъ—первое политическое государство“²⁾).

Я считаю бесполезнымъ долѣе останавливаться на изложеніи идей Жиро-Тейлона. Я думаю, что изъ сказаннаго только-что и изъ замѣчаній, сдѣланныхъ относительно теорій Бахофена, Макъ-Леннана и Моргана, можно вывести слѣдующія основныя черты этого направленія.

1) Современное человѣчество происходитъ отъ болѣе или менѣе многочисленныхъ первобытныхъ группъ, являющихся въ формѣ настоящихъ ордъ, у которыхъ нѣтъ никакой правильной, разумной связи, но господствуютъ

1) Стран. 364 и слѣд.

2) Стран. 469—470.

необузданныя половыя страсти; 2) отъ этихъ группъ посредствомъ внутренней дифференціаціи происходятъ другія аналогичныя группы меньшаго размѣра (*племя, фратрія, родъ или кланъ, наконецъ, семья*), которыя послѣдовательно принимаютъ болѣе опредѣленную форму; 3) активнымъ началомъ, производящимъ эти различія, служить дѣторожденіе, половой инстинктъ, что создаетъ такую эпоху, когда, вслѣдствіе извѣстности матери, вытекающей изъ факта разрѣшенія отъ бремени, и неизвѣстности отца, происходящей отъ таинственнаго характера зарожденія, женщина является носителемъ общественной связи; 4) въ этотъ періодъ не существуетъ политическаго общества; общество состоитъ изъ родственниковъ, и родство объединяетъ членовъ группъ. По этой теоріи, государство образуется мало-по-малу, благодаря выдѣленію индивидуальной семьи и возвышенію власти отца; государство — слѣдствіе той связи, которая должна существовать между людьми, не признающими другъ друга родственниками, но живущими на одной территоріи.

Если мы теперь посмотримъ съ точки зрѣнія сдѣланныхъ нами выводовъ на тѣ три вопроса, которые мы поставили по поводу теоріи патріархата, то окажется прежде всего, что, — за исключеніемъ вопроса о томъ, что появилось раньше, опредѣленная ли семья или безпорядочное половое сожителство, — остаются въ силѣ тѣ же трудности. И это не потому, что все, относящееся къ патріархальной власти, имѣетъ значеніе высокой важности для рѣшенія проблемы о происхожденіи политическаго общества; но нельзя отрицать, что оба направленія имѣютъ ту общую черту, что признаютъ основой первобытнаго общества родство или, правильнѣе, кровную связь. Теперь предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ, можно ли разсматривать государство, какъ продуктъ социальной эволюціи, появившійся послѣ домашнихъ обществъ, тогда какъ въ первоначальную эпоху семья

(семья коммунистическая, группа съ беспорядочнымъ сожителствомъ) вполне удовлетворяла потребностямъ человека.

Глава V.

Теорія Леббока.

У сэра Джона Леббока ¹⁾ собрано достаточное количество фактовъ, отчасти подтверждающихъ эту теорію соціального и политическаго развитія. Въ своей книгѣ: *Начало цивилизаціи* ²⁾ Леббокъ вначалѣ становится на сторону тѣхъ, кто допускаетъ существованіе такого періода, когда родство опредѣлялось по женской линіи, но затѣмъ онъ отвергаетъ теорію Бахофена о соціальномъ господствѣ женщины ³⁾. Этимъ опредѣляется собственное ученіе Леббока. Основывая свое представленіе о первобытномъ человѣкѣ на жизни современныхъ дикарей, онъ изображаетъ его существомъ грубымъ и жестокимъ, не способнымъ къ истинной привязанности, лишеннымъ какихъ бы то ни было идей и нѣжныхъ чувствъ. „Онъ находится въ такомъ низкомъ состояніи, какое мы едва ли можемъ себѣ представить“ ⁴⁾. При подобныхъ психологическихъ условіяхъ, когда первобытный человѣкъ пребываетъ въ состояніи полного невѣжества, когда его увлекаютъ страсти, когда отсутствуетъ всякая моральная узда, учрежденія его необходимо носятъ грубый, матеріалистическій характеръ. Брака нѣтъ, любовь, какъ чувство, неизвѣстна, а половой союзъ есть союзъ чисто матеріальный, безъ этической окраски. Соціальная жизнь представляетъ собою абсолютный коммунизмъ, а половыя сношенія совершаются при полной беспорядочности сожи-

¹⁾ *Начало цивилизаціи*.

²⁾ Ibid., стр. 5.

³⁾ Ibid., стр. 9.

⁴⁾ Ibid., стр. 9.

тельства. Первоначально ребенокъ считается сыномъ племени; женщина принадлежит племени, и всякая попытка уничтожить эту общность женъ и дѣтей является посягательствомъ на высшую матеріальную власть группы. Во всемъ этомъ нѣтъ большой разницы между Леббокъ и нѣкоторыми изъ вышеупомянутыхъ писателей; но разногласіе начинается тамъ, гдѣ Леббокъ отрицаетъ политическое и социальное преобладаніе женщины. Леббокъ, конечно, признаетъ вліяніе, оказываемое дифференціаціей группы на безпорядочное половое сожителство и сѣуженіемъ сферы брачнаго сожителства на социальное развитіе. Но, кромѣ этого, существуетъ еще сила, грубая власть, которая также служить одной изъ причинъ распадена. „Есть, говоритъ онъ, много прекрасныхъ доказательствъ, которыя могутъ насъ убѣдить въ томъ, что первоначально бракъ не былъ связанъ ни съ какими религіозными или общественными соображеніями, что взаимная привязанность или хотя бы простая склонность не играла никакой роли, что взаимное соглашеніе было бесполезно, и бракъ совершался не въ силу любовнаго предложенія съ одной стороны и согласія съ другой, а при помощи насилія и вынужденнаго подчиненія“¹⁾.

Эта-то сила и выдѣляетъ семью изъ повальной общности, она-то дифференцируетъ и выдѣляетъ изъ смѣшанной и неопредѣленной социальной массы различные элементы, призванные создать внутреннюю самостоятельную группу. Леббокъ доказываетъ, что во всѣхъ брачныхъ формахъ, которыя мало-по-малу появляются на свѣтъ, всегда имѣется нѣчто такое, что предполагаетъ употребленіе силы; мало того, „эта могучая, матеріальная сила, примѣняемая на дѣлѣ, считается существеннымъ элементомъ, такъ что когда она уже перестаетъ быть необходимой, ее продолжаютъ употреблять какъ

¹⁾ *Начало цивилизаціи*, стр. 96.

символъ“ ¹⁾, напимѣрь, въ бракѣ захватомъ. Отсюда вытекаетъ, что женщина всегда находится въ положеніи существа подчиненнаго, потому что она слабое существо; не иначе, какъ благодаря силѣ, женщина переходитъ изъ рукъ племени въ руки одного мужчины, который ею владѣетъ; чтобы такой переходъ могъ состояться, женщина должна быть взята не у того племени, къ которому принадлежитъ мужчина (увозъ, экзогамія), а когда это присвоеніе въ свою исключительную пользу начинается совершаться внутри самаго племени, то устанавливается плата, выкупъ или вознагражденіе.

Леббокъ говоритъ: „по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся по лѣстницѣ цивилизаціи, значеніе семьи уменьшается, а значеніе племени увеличивается“ ²⁾. Жиро-Тейлонъ и другіе говорятъ почти то же самое. Но, по мнѣнію Леббока, переходъ отъ племени къ семьѣ совершается не при помощи активнаго начала кровнаго родства, а при помощи *силы*. Номенклатура родственниковъ указываетъ на первобытное господство племени, но „хотя термины обозначаютъ родство сообразно матримоніальнымъ обычаямъ, однако выражаемыя ими идеи основаны на организаціи племени. Это доказывается, напимѣрь, системой Гавайскихъ острововъ, гдѣ терминовъ „отецъ“ и „мать“ не существуетъ, и считается, что каждый ребенокъ имѣетъ много отцовъ и матерей“. Словомъ, если держаться указаній Леббока, то, изъ фактовъ, касающихся первобытнаго человѣка, слѣдуетъ тотъ выводъ, что первая организація не была чисто домашней, что въ основѣ ея не лежала также привязанность, вытекающая изъ кровной связи, но что это была рудиментарная организація, въ которой семьи на самомъ дѣлѣ не было, и если связующимъ элементомъ въ ней было кровное родство, то внутренній строй общества опредѣлялся матери-

¹⁾ Названное сочиненіе, стр. 99.

²⁾ Ibid., стр. 99.

альной силой. О племени можно въ такомъ случаѣ говорить, какъ объ обществѣ, въ основѣ котораго дѣйствительно лежитъ кровная связь, но въ которомъ развитіе всѣхъ учрежденій опредѣляется общимъ интересомъ.

Я не настаиваю на важности изложенной теоріи Леббока о происхожденіи общества. Власть, рассматриваемая какъ нѣчто такое, что вліяетъ на социальное развитіе, дѣйствуя черезъ посредство кровной связи, предполагаетъ существованіе съ самаго начала матеріальнаго элемента государства; это оригинальное мнѣніе заслуживаетъ быть упомянутымъ.

Глава VI.

Вопросъ о происхожденіи общества.—„Первобытныя“ общества (Штарке).—Общества животныхъ и общества людей.

Чтобы установить, что я считаю наиболѣе вѣроятнымъ относительно происхожденія общества и государства, необходимо коснуться хотя бы вкратцѣ вопроса о томъ, принадлежитъ ли старшинство въ эволюціи человѣческихъ обществъ типу патріархальному, или коммунистическому. Я не знаю, до какой степени вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ при нынѣшнемъ состояніи нашихъ знаній, и не думаю, чтобы раціональное рѣшеніе его необходимо предполагало принятіе одной изъ изложенныхъ двухъ системъ. Чтобы не идти слишкомъ далеко, скажу, что Спенсеръ даетъ собственную систему, а Штарке ¹⁾ идетъ такимъ путемъ, который ведетъ насъ къ совершенно иному рѣшенію вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, можно не соглашаться съ теоріей первобытнаго патріархата и все-таки признавать первоначальное вліяніе мужской власти; точно также можно отчасти допустить ком-

¹⁾ Первобытная семья.

мунистическую теорію и въ то же время не смотрѣть на первую стадію соціальной жизни человѣка, какъ на состояніе безпорядочнаго полового сожителства, *гетеризма*, и не думать, что соціальное преобладаніе женщины является необходимымъ всемірнымъ этапомъ въ развитіи человѣчества.

Прежде чѣмъ итти дальше, нужно отмѣтить необходимость изученія этой стороны дѣла для главнаго предмета настоящаго труда.

Помимо нѣкотораго сходства, существующаго, какъ извѣстно, между изложенными теоріями, одинаково признающими появленіе политическаго строя *послѣ* домашняго, для опредѣленія характера этого послѣдняго весьма важно установить вѣроятную природу первобытнаго общества и той формы, въ которой проявляется въ немъ государство. На все это могутъ быть различные взгляды, смотря по тому, признается ли справедливой гипотеза патріархата, коммунизма или какая-либо другая.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этого вопроса по существу, необходимо устранить одно весьма важное препятствіе, заключающееся въ опредѣленіи смысла и значенія слова *первобытный*. Что нужно понимать подъ *первобытнымъ соціальнымъ состояніемъ*? Сравнивая выводы патріархальной теоріи съ выводами теорій противоположныхъ, легко замѣтить, что послѣднія желаютъ охватить человѣческую эволюцію во всей ея цѣлости, не пренебрегая ни однимъ фактомъ и отдавая преобладающее мѣсто изученію дикихъ расъ съ точки зрѣнія первобытнаго соціальнаго состоянія; патріархальная теорія поступаетъ совершенно иначе.

Какъ говоритъ Спенсеръ ¹⁾, „хотя Сомнеръ Мэнъ воспользовался свѣдѣніями, относящимися къ варварскимъ народамъ высшихъ типовъ, хотя онъ подтверждаетъ свои выводы фактами изъ жизни другихъ вар-

¹⁾ Основанія соціологии, т. II, стр. 318.

варскихъ народовъ, относящихся къ низшимъ типамъ, однако онъ въ дѣйствительности пренебрегъ цѣлой массой нецивилизованныхъ расъ, пройдя молчаніемъ длинный списокъ фактовъ, не согласующихся съ его гипотезой“... Кромѣ того, „онъ легкомысленно отнесся къ фактамъ, собраннымъ Леббокомъ и Макъ-Леннаномъ“. Допуская въ качествѣ источниковъ рассказы новѣйшихъ наблюдателей о цивилизаціяхъ менѣе развитыхъ, чѣмъ ихъ собственныя, онъ довольствуется сообщеніемъ Тацита о германцахъ, не упоминая болѣе новыхъ изслѣдователей. Какъ замѣчаетъ Спенсеръ ¹⁾, такіе изслѣдователи, какъ Бертонъ, Ливингстонъ, Зеemanъ, Дарвинъ, Уоллесъ и другіе, хотя большинство изъ нихъ обладаетъ высокимъ научнымъ развитіемъ, не должны быть, по мнѣнію Сомнера Мэна, приняты во вниманіе. Это различіе въ оцѣнкѣ источниковъ должно было оказать сильное вліяніе на опредѣленіе *первобытнаго состоянія*. Въ одномъ случаѣ первобытное состояніе характеризуется на основаніи прямыхъ историческихъ памятниковъ, каковы: древніе законы, отрывки документовъ, надписи, преданія и проч. Въ другомъ случаѣ первобытное состояніе опредѣляется на основаніи историческихъ данныхъ относительной древности, а также на основаніи свѣдѣній, относящихся къ народамъ и расамъ, о коихъ предполагается, что они переживаютъ такіа состоянія, которыя отражаютъ въ себѣ аналогичныя стадіи, пройденныя цивилизованнымъ человѣчествомъ раньше.

Односторонняя теорія Сомнера Мэна, настаивающая на *почти полномъ* патріархатѣ, какъ первобытной социальной формѣ, обязана своимъ существованіемъ, можетъ быть, тому, что онъ ограничиваетъ свои изслѣдованія историческими цивилизаціями арійской и семитской расъ. Въ этихъ цивилизаціяхъ мужскій патріархальный элементъ дѣйствительно играетъ важную роль. Но развѣ

¹⁾ Основанія соціологіи, т. II, стр. 319, прим.

здѣсь лежитъ начало человѣческаго общества? Въ этюдѣ ¹⁾, гдѣ онъ излагаетъ свои возраженія на коммунистическую теорію Макъ-Леннана и Моргана, Сомнеръ Мэнъ ссы-
лается на Платона, Аристотеля и Гомера, — источники
весьма ограниченной древности, и приходитъ къ тому
заключенію, что у классическихъ народовъ существовало
варварское, почти дикое прошлое. Но нельзя допустить,
что таково именно и есть *первобытное состояніе челове-*
чества.

Здѣсь-то мы и наталкиваемся на истинное затруд-
неніе: что слѣдуетъ разумѣть подъ *первобытнымъ состо-*
яніемъ? Мнѣ кажется, что Штарке трактуетъ этотъ во-
просъ очень осторожно и довольно удачно. Кромѣ того,
его точка зрѣнія—единственная, которая согласуется съ
теоріей эволюціи. Она не ясно выражена у Спенсера;
нѣсколько яснѣе у Леббока и нѣкоторыхъ другихъ пи-
сателей, какъ напримѣръ у Д'Агуанно, который кладетъ
въ основу гражданского права антропологию и социоло-
гию ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего менѣе опредѣлен-
наго, чѣмъ первобытное общество. „Если допустить, го-
воритъ Штарке, что человѣчество произошло отъ одной
пары, то очевидно, что социальная жизнь всѣхъ обще-
житій имѣла одно и то же начало; но сомнительно, чтобы
этой идеи было достаточно для доказательства однород-
ности архаической жизни человѣка; притомъ эта столь
мало вѣроятная гипотеза не имѣетъ въ концѣ концовъ
никакого значенія. Существовало ли подобное первобыт-
ное общество, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, съ органи-
заціей, способной оказать вліяніе на позднѣйшія обще-
житія,—этого нельзя ни отрицать, ни утверждать, потому

¹⁾ *Очерки древняго права и первобытнаго обычая*, стр. 263 и сл.

²⁾ Вестермаркъ (*названн. соч.*), приходящій въ концѣ кон-
цовъ къ другимъ выводамъ, чѣмъ Макъ-Леннанъ и Морганъ,
оперируетъ съ болѣе обширными и болѣе универсальными дан-
ными, чѣмъ Сомнеръ Мэнъ.

что такое общество есть только априорная гипотеза, придуманная для объясненія фактовъ, ставшихъ извѣстными раньше; оно не можетъ быть предметомъ эмпирическаго знанія. Оставаясь въ области непосредственнаго опыта, невозможно утверждать о существованіи *одного* человѣческаго общежитія. Мы съ самаго начала стоимъ лицомъ къ лицу съ множествомъ соціальныхъ группъ и единство, котораго мы ищемъ, можетъ существовать лишь на *неопредѣленномъ рубежѣ*, отдѣляющемъ человѣка отъ животнаго. Если бы рубежъ этотъ можно было опредѣлить съ большей точностью, то легко было бы сказать, что слѣдуетъ разумѣть подъ первобытнымъ человѣкомъ. Но различіе, существующее между высшимъ изъ животныхъ и низшимъ изъ людей, можетъ быть объяснено только исчезновеніемъ промежуточныхъ формъ... Существованіе перваго человѣческаго общества такъ же гипотетично, какъ существованіе перваго человѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ людей, они оказываются раздѣленными на группы, и сходство начальныхъ моментовъ по меньшей мѣрѣ сомнительно¹⁾.

Изъ изложеннаго понятно, что на интересующую насъ проблему нельзя смотрѣть, какъ на проблему *историческую*. Она связана съ труднымъ вопросомъ о происхожденіи самого человѣка, поддающимся пока разрѣшенію лишь при помощи *вѣры, легенды, божественнаго преданія*, — принципа, отвѣчающаго извѣстнымъ потребностямъ и стремленіямъ религіознаго и метафизическаго духа, но недостаточнаго для такого рѣшенія проблемы, котораго требуетъ положительная наука. Но не слѣдуетъ забывать, что соціальная жизнь свойственна не только человѣку²⁾, что (и у животныхъ существуетъ соціальная жизнь, и подобно тому, какъ сравнительная психологія и сравнительная физиологія бросили нѣкоторый свѣтъ на

¹⁾ *Названное сочиненіе* Штарке, стр. 6 и 7.

²⁾ *Ibid.*, стр. 7.

психическую и физиологическую природу человека, такъ *соціологія* животныхъ можетъ объяснить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соціологію людей. | При томъ въ соціальной жизни людей дѣйствуютъ болѣею частью тѣ же основныя двигатели, которыми опредѣляется и управляется соціальная жизнь животныхъ. Но можно ли на общества животныхъ смотрѣть, какъ—на предшественниковъ человѣческихъ обществъ? Я не возьму на себя смѣлости отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, потому что отсутствуютъ необходимыя данныя. Но въ виду неопредѣленности и неизвѣстности дѣйствительнаго *начальнаго момента* человѣческихъ обществъ, изученіе обществъ животныхъ необходимо для пониманія соціальной жизни человека. Здѣсь мы не можемъ этого сдѣлать подробно; я изложилъ этотъ вопросъ ¹⁾ въ другомъ мѣстѣ. Съ этой точки зрѣнія, понятіе въ обществѣ обнимаетъ большой кругъ фактовъ, то, что Спенсеръ называетъ *надъ-органической* эволюціей ²⁾,—быть можетъ, начиная съ простыхъ временныхъ союзовъ и кончая наиболѣе развитыми организаціями политической жизни ³⁾. Сюда принадлежатъ самыя разнообразныя типы, какъ простѣйшіе рудиментарныя, такъ и самыя сложныя,—находящіеся всегда въ соотвѣтствіи съ относительными размѣрами и сложностью основныхъ потребностей живыхъ существъ. Кромѣ того, въ развитіи дѣйствительной, реальной соціологической жизни наблюдается *синтетическая* прогрессія, т. е. возрастающее накопленіе соціальныхъ формъ, въ связи съ

¹⁾ Съ цѣлью послѣдовательнаго изученія первобытныхъ обществъ я посвятилъ этому вопросу объ обществахъ животныхъ. См. *Revista de Ispana*, апрѣль и іюнь 1891 года.

²⁾ См. Спенсеръ, *Соціологія*, т. I, и А. Эспинасъ, *Общества животныхъ*.

³⁾ Гюйо расширяетъ понятіе *соціальный*, разумѣя подъ этимъ не только специальное качество тѣхъ или другихъ живыхъ существъ, но и качество болѣе универсальное (см. *l'Irréligion de l'Avenir*). Сравн. Изуле (*названное сочиненіе*).

одновременнымъ появленіемъ различныхъ потребностей, распространенныхъ у высшихъ существъ, или съ разновременнымъ появленіемъ потребностей, удовлетворяемыхъ въ различные, послѣдовательные моменты, у одного и того же низшаго существа. Другими словами, относительно *простыхъ социальныхъ формъ*, т. е. тѣхъ, которыя отвѣчаютъ только одной изъ потребностей, опредѣляющихъ социальный союзъ, слѣдуетъ сказать, что одни существа знаютъ только одну форму, другія переживаютъ нѣсколько формъ, но въ различные эпохи, такъ что онѣ исключаютъ другъ друга, у третьихъ, наконецъ, — появляется нѣсколько формъ одновременно.

Такимъ образомъ, подобно тому, какъ, въ ряду зоологическомъ, человѣкъ является высшимъ существомъ по преимуществу, существомъ, въ которомъ, благодаря большему равновѣсію его способностей и органовъ, черты дѣйствительности соединяются въ высшемъ синтезѣ, такъ, въ социологическомъ ряду, человеческое общество является тѣмъ обществомъ, которое лучше всего синтетически соединяетъ въ себѣ различные низшія социальные формы. Человѣкъ занимаетъ первое высшее мѣсто послѣ четырехъ видовъ обезьянъ; человеческое общество выше самаго сложнаго изъ всѣхъ другихъ обществъ. Чѣмъ объясняется это превосходство? Тѣмъ, что человеческія потребности, — потребности не одного какого-либо человека, а всѣхъ людей, — дѣлая жизнь болѣе *интенсивной*, болѣе *глубокой*, въ то же время расширяютъ ея рамки и увеличиваютъ горизонтъ идей¹⁾. Отрицать это можно только въ томъ случаѣ, если предположить, что произошелъ полный перерывъ въ социологической дѣйствительности, лишь только на землѣ появился человѣкъ. Изучая социальную жизнь животныхъ, наблюдаютъ: сначала не-

¹⁾ Эта идея параллелизма между наибольшей интенсивностью жизни, наибольшей амплитудой и экстенсивнымъ богатствомъ ея принадлежитъ Гюйо. Я считаю ее наилучшей для объясненія социальныхъ явленій.

совершенныя общества, состоящія изъ существъ, различныхъ по природѣ (напримѣръ паразитизмъ, комменсализмъ и проч.), а затѣмъ полныя общества слѣдующихъ типовъ: а) общества для сохраненія особи (общества, для защиты, напримѣръ, у птицъ въ извѣстные моменты); б) общества домашнія, материнскія (пчелы, муравьи) и отцовскія, общества семейныя (у птицъ, у млекопитающихъ); с) общества сосѣдскія, обнимающія социальную жизнь, проистекающую изъ жизни семьи. Эти общества образуются у животныхъ либо изолированно—для достиженія одной какой-либо цѣли, либо преемственно—для достиженія многихъ цѣлей, въ различные эпохи или одновременно. Эта одновременность возрастаетъ (становится синтетической) тѣмъ болѣе, чѣмъ совершеннѣе и выше типъ животнаго.

Таковы положенія, относящіяся къ социологіи животныхъ,—положенія, которыя необходимо имѣть въ виду при преслѣдованіи той цѣли, которую я себѣ намѣтилъ. Съ ихъ помощью можно разсуждать о томъ, чѣмъ были первобытныя общества. [Исторія прямыхъ свѣдѣній не даетъ. Мы не знаемъ, что представляло собою *первое человеческое общество*, не знаемъ даже, можно ли предположить, что таковое вообще существовало. Скорѣе слѣдуетъ думать, что первобытныя человѣческія общества возникли при различныхъ условіяхъ, по мѣрѣ того, какъ создавался разумъ, характеризующій человѣка.] Только привычка все относить къ одному началу вызвала въ насъ вѣру сперва въ одно общество, какъ первоисточникъ, а потомъ въ первую пару. Объ этомъ обществѣ и этой парѣ ничего не говоритъ ни исторія, ни догадки, которыя позволяютъ намъ строить доисторическія данныя. Поэтому, силами, которыя первоначально должны были вліять въ рѣшительномъ смыслѣ на человѣческіе инстинкты и на складъ учрежденій, должно считать *среду* и извѣстныя *индивидуальныя* особенности расы.

Глава VII.

Какъ долженъ быть поставленъ вопросъ о происхожденіи общества.—Споръ о патріархатѣ.

Если при опредѣленіи первобытнаго общества исторію необходимо оставить въ сторонѣ, то какія свѣдѣнія относительно соціальной жизни человѣка можно почерпнуть изъ изученія эволюціи обществъ животныхъ, — обществъ, въ которыхъ, благодаря вліянію факторовъ, называемыхъ Спенсеромъ вторичными¹⁾, т. е. составляющими самую соціальную среду, общественные инстинкты и общественныя силы создаются, можно думать, съ наибольшей самопроизвольностью?

Вотъ какъ должно, по моему мнѣнію, поставить вопросъ о первобытномъ обществѣ, особенно если принять во вниманіе, что помощь, которую могутъ оказать намъ новѣйшія данныя о современныхъ дикихъ обществахъ, лишена достаточнаго основанія. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, число ихъ очень ограничено²⁾, а съ другой, они подвержены вліянію субъективныхъ ошибокъ наблюдателей; на это жалуются всѣ соціологи³⁾. Кромѣ того, такъ какъ нѣтъ критерія для опредѣленія индивидуальныхъ отличій и для классификаціи цивилизацій дикихъ народовъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе грубыхъ и первобытныхъ, и такъ какъ у большинства изъ нихъ можно найти признаки попятнаго движенія, то необходимо съ большою осторожностью пользоваться данными, представляемыми отсталыми народами, если въ нихъ желаютъ видѣть представителей *необходимой* стадіи чело-

¹⁾ Основанія соціологии, т. I.

²⁾ Не такъ, какъ думаетъ Тардъ въ цитированномъ сочиненіи, но достаточно, чтобы нельзя было при ихъ помощи конструировать первобытное общество.

³⁾ Нѣкоторые соціологи однако, хотя и жалуются на это, не думаютъ обратиться къ другимъ источникамъ и конструируютъ прошлое человѣка, какъ будто они его видѣли.

вѣческой эволюціи. Это не мѣшаетъ имъ однако служить весьма важнымъ матеріаломъ для изученія.

Но прежде чѣмъ остановиться на этомъ предметѣ, я покажу, какое, по моему, рѣшеніе даетъ намъ соціологія животныхъ и законъ ея (который мы назовемъ *закономъ возрастающаго и синтетическаго накопленія соціальныхъ формъ*) по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли считать началомъ человѣческаго общества патріархатъ или коммунистическое состояніе; мы увидимъ затѣмъ, какіе выводы можно отсюда сдѣлать относительно происхожденія государства. Прежде всего замѣтимъ, что однимъ изъ элементовъ, усложняющихъ домашнее общество животныхъ въ смыслѣ усовершенствованія и накопленія функций и потребностей, является участіе самца, одареннаго отцовскимъ инстинктомъ. Необходимо обратить вниманіе на то, какъ отецъ и мать, при совмѣстной дѣятельности въ сферѣ семьи, производятъ весьма сложный организмъ съ физиологическими и психологическими свойствами, начиная отъ безхвостыхъ гадовъ и птицъ и кончая млекопитающими. Понятно, разъ мужскіе и женскіе половые признаки перестали совмѣщаться въ одномъ и томъ же существѣ, то, чтобы разрѣшить эту противоположность, необходимо должны время отъ времени возникать союзы между разнополыми существами; эти кратковременные союзы у нѣкоторыхъ соціальныхъ формъ не обращаются въ постоянные, но часто, напримѣръ у насѣкомыхъ, самецъ остается въ сторонѣ, а самка поддерживаетъ домашній союзъ¹⁾. Напротивъ, у нѣкоторыхъ видовъ рыбъ соціальный союзъ поддерживается самцомъ. У тѣхъ и другихъ домашняя соціальная эволюція каждаго общества представляетъ собою только актъ рожденія, а элементы, участвующіе въ этомъ актѣ, являются специализированными и въ послѣдовательномъ порядкѣ. Такимъ образомъ, начиная съ безхвостыхъ и птицъ, отцовскія и

¹⁾ Эпинасъ, названное сочиненіе, стр. 330 и 398.

материнскія функціи накопляются и производятъ болѣе сложный соціальный синтезъ... У млекопитающихъ роль самца, какъ производителя, руководителя, отца, увеличивается. Относительно обществъ человекообразныхъ обезьянъ можно сказать, что природныя свойства и отличительныя черты этихъ обществъ опредѣляются самцомъ, который либо изолируетъ семью въ силу своей личной ревности, доходящей до того, что онъ не допускаетъ прямыхъ, непосредственныхъ сношеній съ другими семьями, либо позволяетъ имъ эти сношенія, какъ на примѣръ, нѣкоторые чимпанзе, живущіе группами семействъ.

Я не игнорирую здѣсь того, на что нѣкоторые социологи смотрятъ, какъ на antecedentes, благопріятныхъ для теоріи первобытнаго матриархата, предшествующаго патриархальному состоянію, именно: 1) что самецъ враждебенъ семьѣ (первой соціальной формѣ) и 2) что самецъ болѣе способенъ къ соціальной жизни. Но нужно вспомнить прежде всего, что у тѣхъ животныхъ видовъ, у которыхъ самецъ играетъ преобладающую роль, его вмѣшательство опредѣляетъ характеристическія черты семьи, которую онъ изолируетъ и индивидуализируетъ. Съ другой стороны, у высшихъ видовъ, усложненіе потребностей, испытываемыхъ индивидуумами, опредѣляетъ *синтетическія* соціальныя формы, въ которыхъ отецъ играетъ такую же роль, какъ и мать; совмѣстное существованіе различныхъ семейныхъ группъ (съ особыми мужскими элементами) одной и той же формы не представляется невозможнымъ, такъ какъ это имѣетъ мѣсто, какъ я сказалъ, у чимпанзе. Гартманъ ¹⁾ говоритъ, что чимпанзе живутъ иногда изолированными семьями, а также небольшими группами различныхъ семей ²⁾.

¹⁾ *Человѣкообразныя обезьяны и человекъ*, стр. 179.

²⁾ Вотъ что говоритъ Эспинасъ: „изъ обезьянъ однѣ живутъ отдѣльными семьями, а другія большими стадами. Мы не можемъ сказать, откуда происходитъ такое различіе, такъ какъ

Изъ предыдущихъ соображеній, которыя важны тѣмъ, что доказываютъ возможность одновременнаго существованія жизни домашней и жизни сосѣдской, вытекаетъ выдающаяся роль самца въ социальной жизни.

Итакъ, можно ли допустить, что человѣчество, обособившись отъ обществъ животныхъ, начало свое развитіе съ уничтоженія роли отца? Какъ говоритъ Спенсеръ, „наиболѣе отсталыя расы нашихъ дней, жители Огненной Земли, австралійцы и андаманцы, показываютъ, что половыя связи, возникая безъ всякихъ формальностей, отличаются однако нѣкоторой продолжительностью... Нѣтъ основанія, почему бы нельзя было допустить, что въ менѣ развитыхъ социальныхъ группахъ тоже существовало индивидуальное владѣніе женщины мужчиною“¹⁾. Между аргументами, которые Сомнеръ Мэнъ выставляетъ противъ теорій, противоположныхъ патріархальной, самымъ замѣчательнымъ слѣдуетъ, по моему, считать тотъ, который опирается на нѣкоторыя соображенія Дарвина, относящіяся къ ревности. Въ самомъ дѣлѣ, предположить состояніе безпорядочнаго полового сожителства и преобладаніе женщины, какъ единственный элементъ социальной связи — значитъ не признавать въ теченіе долгаго періода существованія чувства ревности. Можно ли это допустить? Какъ говоритъ Дарвинъ, когда человѣкъ

не обладаемъ обстоятельнымъ знакомствомъ съ нравами каждаго вида. Быть можетъ, нѣкоторыя изъ нихъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ сдѣлались бы общественными животными; на примѣръ, гиббоны, обитающіе въ лѣсахъ, черезъ которые прошли многочисленныя черныя племена, живутъ небольшими семьями; кажется также, что и чимпанзе путешественники встрѣчали болѣе или менѣе многочисленными группами, смотря по большей или меньшей безопасности, въ которой онѣ находились... Въ такихъ лѣсахъ встрѣчаются обезьяны, живущія въ пяти или шести гнѣздахъ, сдѣланныхъ изъ листы одного дерева“. *Общества животных*, стр. 503.

¹⁾ *Соціологія*, т. II, стр. 255.

заключалъ въ себѣ много животныхъ чертъ, онъ принадлежалъ къ высшимъ животнымъ. А развѣ среди послѣднихъ ревность проявляется съ малой силою? Напротивъ. Ревность изолируетъ и образуетъ группы; большая или меньшая сила ея дѣлаетъ ихъ болѣе или менѣе замкнутыми и связными. Нельзя отрицать, что существуютъ народы, которые не знаютъ ревности: Спенсеръ приводитъ нѣсколько такихъ примѣровъ¹⁾; но отсутствіе этого чувства происходитъ, главнымъ образомъ, отъ отсутствія нѣкоторыхъ проявленій нѣжности и чувствительности, обязательно сопровождающихъ человѣческую любовь. Съ другой стороны, явленіе это не общее и на него нельзя смотрѣть, какъ на выраженіе универсальной, необходимой стадіи человѣческой эволюціи. Оно отвѣчаетъ скорѣе первобытному разнообразію тѣхъ социальныхъ условій, которыя съ самаго начала опредѣляютъ разнообразіе социальныхъ типовъ. Не указываютъ ли Эспинасъ и Гартманъ на то, что у чимпанзе одни живутъ разрозненными семьями, другія группами изъ многихъ семей, и это происходитъ, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ тѣхъ элементовъ, которые своей совокупной дѣятельностью создаютъ соотвѣтствующую среду?

Кромѣ того, этому отрицанію мужчины, какъ отца, противорѣчитъ тотъ фактъ, что даже у наименѣе развитыхъ племенъ отецъ, по словамъ Спенсера²⁾, вообще извѣстенъ, и что всѣ низшія расы имѣютъ слова для обозначенія отца. Сюда можно прибавить, что рассматривая названія, употребляемыя у различныхъ народовъ, цивилизованныхъ и не цивилизованныхъ, замѣчаютъ слѣдующее явленіе: большинство (даже не считая арійскихъ и семитскихъ расъ) употребляетъ для обозначенія отца слова, въ корнѣ которыхъ находится *p*, *b*, *d*, а для обозначенія матери немногіе употребляютъ слова съ корнемъ

¹⁾ *Соціологія*, т. II, стр. 293.

²⁾ *Ibid.*, т. II, стр. 257.

p, а большинство—съ корнями *m*, *n*, *y*. А известно, что дѣти (точно такъ же, какъ, вѣроятно, и человѣчество въ младенческомъ возрастѣ) произносятъ *p* легче, чѣмъ *m*. Не представляетъ ли это убѣдительнаго доказательства въ пользу того, что разъ отца обозначаютъ болѣе легкими и болѣе древними (первобытными) словами, то связь ребенка съ отцомъ должна была предшествовать (или по крайней мѣрѣ быть одновременной) связи его съ матерью, которая обозначается болѣе трудными и, слѣдовательно, позднѣйшими словами ¹⁾).

Но если въ первобытную эпоху мужчина, какъ отецъ, игралъ роль основного элемента человѣческаго общества, то можно ли изъ этого вывести заключеніе въ пользу патріархальной теоріи? Ни въ какомъ случаѣ. Гипотеза первобытныхъ паръ такъ же не основательна, какъ гипотеза, не признающая за мужскимъ элементомъ выдающагося значенія въ первобытное время. Обѣ эти гипотезы обязаны своимъ существованіемъ главнымъ образомъ тому, что первобытныя общества разсматриваются, какъ союзы, имѣющіе въ своей основѣ *кровную* связь и поддерживаемые узами *родства*. Это происходитъ безъ сомнѣнія оттого, что первобытныя общества изучаются подъ вліяніемъ обществъ современныхъ, въ которыхъ

¹⁾ См. языки, приводимые Леббокомъ въ *Началь цивилизации*, стр. 417; они принадлежатъ 140 дикимъ племенамъ. Тамъ объясняется, какими названіями обозначаются *отецъ* и *мать*. Для обозначенія отца 25 народовъ употребляютъ *p*, 36—*b*, 12—*d*, 5—*t* и пр. и только 12 употребляютъ *m*. Для обозначенія матери 38 народовъ употребляютъ *m*, 33—*n*, 13—*y*, 18—*b* и лишь 3—*p*. Я не могу распространяться ни здѣсь, ни въ текстѣ о лингвистическихъ данныхъ, относящихся къ этому вопросу.

Послѣ выхода въ свѣтъ настоящей книги на испанскомъ языкѣ, я помѣстилъ объ этомъ же вопросѣ статью въ *Nueva Ciencia Juridica*, которая помѣщена въ этомъ изданіи въ видѣ приложенія. См. Прилож.: *Гипотеза, противоположная теоріи первобытнаго матриархата*.

самая примитивная, самая непосредственная и самая простая связь есть действительно связь семейная.

Въ этомъ вопросѣ нельзя пренебрегать выводами, которые можно сдѣлать изъ социологіи животныхъ, и которые скорѣе подтверждаются, чѣмъ ослабляются, данными, относящимися къ современнымъ дикимъ обществамъ. Я уже говорилъ, что у высшихъ животныхъ, напримѣръ, у позвоночныхъ, которыя имѣютъ наибольшую аналогію съ человѣкомъ, замѣчается тенденція къ накопленію трехъ опредѣленныхъ социальныхъ формъ: социальной жизни съ цѣлью самосохраненія, полной домашней социальной жизни (кооперация отца и матери) и социальной жизни сосѣдской. У человѣка эти три социальные формы нужно разсматривать, какъ слѣдствіе социальной, психической дѣятельности, которая у него сильнѣе и полнѣе, чѣмъ у всякаго другаго животнаго. Внутреннее содержаніе этихъ различныхъ формъ развито не у всѣхъ людей одинаково; но это не важно. Въ обществахъ наиболѣе рудиментарныхъ, наименѣе связанныхъ, кровная связь очень слаба, но они все-таки образуютъ до нѣкоторой степени цѣлостныя единицы. Чувство симпатіи, вызванное удовольствіемъ созерцанія себѣ подобныхъ (Эспинасъ), быть можетъ, лучше всего объясняетъ происхожденіе первобытныхъ обществъ; но вѣрно во всякомъ случаѣ то, что въ этихъ обществахъ составляются союзы не только для половыхъ отпращиваній, но и для всевозможныхъ цѣлей, какія только могутъ быть достигнуты посредствомъ существованія и поддержанія группы. Можно ли думать, что первобытный человѣкъ не имѣлъ другихъ мотивовъ къ отыскиванію себѣ подобныхъ, кромѣ половой потребности и нужды въ помощи? Неужели онъ въ этомъ отношеніи стоялъ ниже другихъ млекопитающихъ? Въ такомъ случаѣ пришлось бы допустить, что первобытный человѣкъ былъ счастливѣе цивилизованнаго, такъ какъ онъ не испытывалъ нужды въ общественной защитѣ, и что, будучи несовер-

шеніе и ограниченіе другихъ млекопитающихъ, онъ не испытывалъ симпатическаго влеченія къ себѣ подобнымъ, влеченія, не тождественнаго съ половымъ. Стоя въ этомъ отношеніи на болѣе реальной почвѣ, Леббокъ констатируетъ существованіе грубой силы въ первые моменты человѣческаго общества. Эту силу можно признать, но не какъ единственную, а какъ дѣйствующую совместно съ симпатическимъ притяженіемъ, которое, вмѣстѣ съ первой, участвуетъ въ вѣковой созидательной работѣ, устанавливающей въ концѣ концовъ прочную форму человѣческихъ отношеній.

Становясь на болѣе общую точку зрѣнія, Спенсеръ, оспаривая теорію, по которой человѣческое общество происходитъ отъ первой пары и представляетъ собою *определенный* патріархатъ (домашнее общество съ политическими функціями) съ мужчиной во главѣ, выставляетъ рядъ аргументовъ, заслуживающихъ быть упомянутыми. Во-первыхъ, патріархальная теорія противорѣчитъ тому взгляду, что человѣческія общества движутся отъ не-связнаго къ связанному, отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному. Во-вторыхъ, патріархатъ предполагаетъ всеобщее господство мужскаго пола, а между тѣмъ извѣстно не мало случаевъ, когда происхожденіе ведется по женской линіи. Въ-третьихъ, патріархатъ предполагаетъ существованіе правительства, тогда какъ извѣстны многія общества, въ которыхъ нѣтъ ни главы, ни исполнителя установившагося понятія о личной власти. Въ-четвертыхъ, по смыслу этой теоріи политическая власть основывается на одномъ только началѣ—патріархальномъ, хотя во многихъ случаяхъ политическая власть не имѣетъ ничего общаго съ патріархальными отношеніями; существуютъ весьма первобытныя правительства, управляющія при помощи народныхъ собраній. Въ-пятыхъ, она предполагаетъ безусловно коммунистическую организацію собственности, тогда какъ личная собственность есть фактъ первобытный. Въ-шестыхъ, она предполагаетъ всеобщее

господство опеки надъ женщиной, между тѣмъ какъ эта опека существуетъ далеко не вездѣ ¹⁾. Наконецъ, добавлю отъ себя, что патріархатъ предполагаетъ существованіе одной опредѣленной формы первобытнаго общества, причемъ играютъ роль одни лишь половыя отправления; но оба эти предположенія противорѣчатъ тому, чему учитъ насъ соціологія животныхъ; они также не соотвѣтствуютъ тому *аморфному, не связному* состоянію, —обязанному своимъ существованіемъ неоднородной физической средѣ,— въ которомъ пребываютъ наиболѣе рудиментарныя общества. При одномъ и томъ же вещественномъ содержаніи, дать опредѣленіе рудиментарному соціальному типу, который въ себѣ самомъ носитъ необходимую силу внутренняго притяженія, основанную на симпатіи и любви, можно только посредствомъ сравненія одного общества съ другимъ.

Глава VIII.

Семья и „первобытныя“ общества.—Теорія Штарке.

По моему мнѣнію, все, что можно утверждать въ противоположность теоріи патріархата, опираясь на теорію коммунистическую, хотя и не признавая ея цѣлкомъ, это то, что семья хронологически не есть зародышъ человѣческаго общества. [Семья и общество появляются одновременно. Въ началѣ обѣ эти формы слиты и смѣшаны между собою точно такъ же, какъ смѣшаны и слиты въ своемъ производствѣ и потребленіи тѣ причины, которыми вызваны были существенныя, необходимыя потребности человѣка: сохраненіе индивидуальной жизни, размноженіе и сосѣдскія отношенія. Поэтому, узы, связывавшія людей, равно какъ узы, связывавшія животныхъ, не могутъ быть сведены къ кровной связи, и родство не можетъ быть единственнымъ выраженіемъ

¹⁾ Основанія соціологій, т. II, стр. 319—331.

соціальної життя. Прежде всего, соціальна зв'язь предполаґаєть существованіє такої потреби, которую одновременно испытывают многія существа, но, кромѣ потребности, вызываемой половымъ инстинктомъ, существуютъ и другія потребности¹⁾. Затѣмъ, идея родства слишкомъ абстрактна и слишкомъ спеціальна, чтобы она могла быть единственной.

Патріархальная теорія и теоріи Бахофена, Макъ-Леннана и Моргана были подвергнуты, съ этой точки зрѣнія, серьезной критикѣ со стороны Штарке. Хотя критика эта иногда страдаетъ неясностью, но если соединить его аргументацію съ аргументаціей Спенсера, то получимъ то именно, что мы изложили выше.

Не слѣдуетъ забывать, что на первобытное общество нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія нашихъ соціальныхъ идей. Напротивъ, надо помнить, что соціальную жизнь наиболѣе рудиментарнаго и отсталаго челоука можно конструировать только путемъ анализа его основныхъ инстинктовъ и необходимыхъ потребностей. А такъ какъ въ первобытномъ челоука все перемѣшано и неопредѣленно, то бесполезно искать въ первобытной жизни спеціализацію челоуческихъ отправленій. „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Штарке, мы не можемъ отдѣлнить одинъ институтъ отъ другого, потому что дифференцированіе институтовъ происходило очень медленно, а характеристическія черты, которыми отличается семья въ современномъ государствѣ, ни въ какомъ случаѣ нельзя примѣнить къ первобытному обществу“²⁾.

Конечно, „при изученіи первобытныхъ обществъ, нельзя не замѣтить существованія небольшихъ группъ, члены которыхъ связаны между собою родствомъ, что

¹⁾ Семья не есть продуктъ исключительнаго полового инстинкта; она представляетъ собою, въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ, полную общность жизни между существами различныхъ половъ и возрастовъ и родителями.

²⁾ *Первобытная семья*, стр. 9.

придаетъ семьѣ видъ архаическаго института“¹⁾. Въ этой-то идеѣ родства, составляющей въ большей или меньшей степени продуктъ мысли и вліяющей на первобытную социальную организацію, вырисовываются, быть можетъ, первыя существенныя черты человѣческаго общества. Нельзя ли въ этомъ видѣть результатъ дѣйствія разума? „Но не слѣдуетъ думать, что въ первобытную эпоху семья имѣла такую же организацію, какъ въ эпохи послѣдующія, и что прежде и теперь ея существованіемъ управляли однѣ и тѣ же идеи. Въ настоящее время семья обнимаетъ собою группы трехъ родовъ: то подъ нею разумѣются родители съ неженатыми сыновьями и незамужними дочерьми, то къ ней принадлежатъ всѣ нисходящіе отъ одной пары, пребывающей еще въ живыхъ, вмѣстѣ съ мужьями дочерей и женами сыновей, то, наконецъ, она представляетъ собою союзъ всѣхъ единокровныхъ, за исключеніемъ развѣ такихъ отдаленныхъ степеней родства, которыхъ уже невозможно констатировать. На эти три формы семьи нельзя смотрѣть, какъ на первобытныя. Онѣ имѣютъ ту общую черту, что степень родства считается тѣмъ болѣе далекой, чѣмъ дальше она отъ линіи, соединяющей дѣтей съ ихъ родителями... У первобытныхъ людей имѣло мѣсто совершенно другое; они принимали такія степени родства, которыхъ въ настоящее время не знаютъ, и обратно. Связь архаической семьи заключалась въ происхожденіи отъ одного общаго предка, мужчины или женщины, родство же въ боковыхъ линіяхъ тогда не было извѣстно. Эти семейные агрегаты не исключаютъ семьи въ строгомъ смыслѣ, т. е. группы, основанной на союзѣ родителей съ дѣтьми; но у первобытныхъ народовъ этотъ элементъ не имѣлъ такого значенія и не считался столь важнымъ, какъ у насъ“²⁾. Далѣе, Штарке различаетъ три формы семьи: *семејство*

¹⁾ *Первобытная семья*, стр. 9.

²⁾ *Ibid.*, стр. 9.

(небольшая группа, состоящая изъ родителей и дѣтей), *группа семействъ* (состоящая изъ семействъ, соединившихся, по прошествіи нѣсколькихъ поколѣній, въ силу болѣе или менѣе близкаго родства между ними), *кланъ* (аггрегаты, въ которыхъ родство не служитъ фактической связью). Кромѣ того, существуетъ *триба* (примитивная форма государства) — союзъ индивидуумовъ, живущихъ на одной территоріи, говорящихъ на одномъ языкѣ и проч. „Триба можетъ заключать въ себѣ опредѣленное число клановъ, группъ и семействъ“ ¹⁾. Опредѣленія этихъ группъ, даваемые Штарке, недостаточно ясны и, строго говоря, не представляютъ капитальной важности, но то, что онъ говоритъ относительно возможности существованія этихъ различныхъ группъ, представляется весьма интереснымъ, потому что—либо слова его вовсе не имѣютъ никакого значенія, либо они указываютъ на то, что, помимо кровной связи, всегда, въ кланѣ напимѣръ или въ трибѣ, господствуютъ *разнообразные связующіе элементы*. Кромѣ того, эти различныя группы являются тогда необособленными, точно такъ же, какъ не обособлены мотивы, ихъ вызвавшіе. Обладая стремленіемъ сохранить свою индивидуальность, человѣкъ не можетъ жить изолированно. Потребность размноженія предполагаетъ другую форму семьи. Наконецъ, сосѣдская жизнь людей, развивающаяся подъ вліяніемъ множества обстоятельствъ, опредѣляетъ социальную группировку. Эти три потребности отличаются прочностью и постоянствомъ; онѣ свойственны людямъ во всѣ времена и оказываютъ свое дѣйствіе во всякіе моменты, при какой бы то ни было социальной формѣ.

Штарке говоритъ слѣдующее: „Первая группа не была непременно семьею: всякое обстоятельство, всякая особенность, способная соединить во-едино много индивидуумовъ, общность имени, татуировки, *tamamius'a*—

¹⁾ *Первобытная семья*, стр. 10.

служили достаточнымъ основаніемъ для возникновенія тѣсныхъ группъ“¹⁾.] Это обстоятельство не трудно подмѣтитъ при тщательномъ изученіи дикихъ племенъ разныхъ материковъ; кромѣ того, внимательный изслѣдователь легко увидитъ, что когда указанные выше универсальныя потребности продолжаютъ существовать, то онѣ не вызываютъ однообразнаго процесса чередованія формъ, какъ это утверждаютъ Мэнъ, а въ особенности Бахофенъ, Макъ-Леннанъ и Морганъ. Человѣческое общество подвергается вліянію разнообразныхъ условій, видоизмѣняющихъ самыя основанія его. „Если мы сравнимъ первобытную социальную жизнь африканцевъ въ томъ видѣ, какъ находимъ ее у готтентотовъ, съ жизнью бразильскихъ племенъ, то увидимъ, что, какъ въ Африкѣ, такъ въ Южноймерикѣ, основнымъ типомъ социальной организациіи является семья, объединенная подъ властью отца; за исключеніемъ этой общей черты, существуетъ множество различій, обусловленныхъ не одинаковымъ образомъ жизни; кромѣ того, социальная эволюція не была одинакова на обоихъ континентахъ, точно также, какъ не одинаковы были силы, ее вызвавшія. Кромѣ дѣтей, американецъ не имѣетъ ничего цѣннаго; напротивъ, въ Африкѣ играетъ большую роль недвижимая собственность, именно: пастбища. Въ Америкѣ, обычаи, боязнь общаго врага, общность имени, жилища создаютъ первыя группы внутри племени (трибы); въ Африкѣ объединяющимъ элементомъ служитъ собственность; но одновременное существованіе различныхъ группъ поддерживается на обоихъ материкахъ не столько идеей общаго происхожденія, сколько общностью мѣстожителъства на опредѣленной территоріи“²⁾...

Такимъ образомъ, къ группировкѣ, вытекающей естественно и самопроизвольно изъ дѣтородной потреб-

¹⁾ *Первобытная семья*, стр. 52 и 53.

²⁾ *Ibid.*, стр. 76.

ности (группировка семейная), нужно присоединить такую же самопроизвольную и естественную группировку, вытекающую изъ необходимаго факта *симбіоза*: „общность въ нападеніи и защитѣ, одинаковыя впечатлѣнія юности, однородная во всѣхъ отношеніяхъ жизни, какъ результатъ совмѣстнаго пребыванія въ одномъ мѣстѣ—вотъ факторы, опредѣляющіе соціальныя формации. Сожительство въ одномъ мѣстѣ важно еще и потому, что это первая форма, въ которой первобытное самосознаніе воспринимаетъ связь индивидуумовъ между собою“.

Глава IX.

Единокровное родство.—Соціальная жизнь, основанная на общности мѣста.—Происхожденіе государства.—Природа первобытнаго государства.—Мнѣніе Герберта Спенсера.

Не рѣдко забываютъ, что даже въ рудиментарныхъ обществахъ, на ряду съ постояннымъ возобновленіемъ союзовъ, позволяющимъ индивидуумамъ создавать новые, существуетъ элементъ устойчивый, прочный. Принадлежность изолированныхъ индивидуумовъ къ разнымъ поламъ заставляетъ ихъ соединяться, образовывать пары болѣе или менѣе связныя или, лучше сказать, семейныя. Но индивидуумы эти не вышли прямо изъ одиночества; они—часть другихъ, болѣе раннихъ союзовъ, которые кое-гдѣ существуютъ еще. Слѣдовательно, въ племени, а можетъ быть въ кланѣ¹⁾, слѣдуетъ видѣть соціальное выраженіе устойчивости общества, продолжающееся изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ противоположность семьѣ, которая прекращаетъ свое существованіе вмѣстѣ съ однимъ поколѣніемъ.

¹⁾ Припомните, что я выше сказалъ о *кланѣ*; это союзъ, основывающійся на идеѣ родства, хотя это родство только кажущееся и зависитъ отъ *симбіоза*.

Здѣсь не мѣсто изображать соціальную эволюцію; она, безъ сомнѣнія, *мѣняется* въ зависимости отъ свойства индивидуума и его среды. Если допустить гипотезу первоначальнаго животнаго состоянія человѣка, то не можетъ быть рѣчи объ *институтахъ съ определенной формой*. Первобытнымъ существамъ, зародышамъ эволюціи, свойственъ скорѣе всего *аморфизмъ*. Простой *инстинктъ* заставлялъ людей удовлетворять свои потребности, причемъ способъ этого удовлетворенія зависитъ отъ того, чего требуетъ ихъ индивидуальная природа и что позволяетъ имъ среда. Это естественное состояніе, которое предшествовало гражданскому состоянію, и на которое указали Гоббсъ и Руссо, подлежить, можетъ быть, самому точному опредѣленію; изъ него люди выходятъ не сразу и не путемъ договора. Человѣчество освобождается отъ него мало по малу, не слѣдуя вездѣ одному и тому же процессу. Всякій человѣкъ жилъ тогда сообразно своимъ силамъ и развивалъ ихъ сообразно своимъ инстинктамъ, ошибаясь въ своихъ разсужденіяхъ и пребывая въ полномъ невѣжествѣ относительно всего окружающаго; его разсужденія логичны, послѣдовательны, но мало обоснованы. Соціальная форма обуславливалась въ первыя времена силой, съ которою энергія человѣка проявлялась въ его средѣ, и благопріятными или неблагопріятными условіями этой послѣдней. Предполагать во что бы то ни стало состояніе общаго однообразія, какъ напримѣръ состояніе безпорядочнаго полового сожителства или то, которое предполагаетъ приниженіе мужчины, значитъ осудить первобытнаго человѣка на *соціальное бездѣйствіе*, а это не объяснить эволюціи. Въ половой связи, какъ и въ первобытныхъ отношеніяхъ, слѣдуетъ видѣть неустойчивое равновѣсіе, недостатокъ гармоніи, *неустойчивость однороднаго*, которая, по Спенсеру, обуславливается специфическимъ характеромъ индивидуальности, способомъ воздѣйствія среды на человѣка и реагированія на нее этого послѣдняго. Въ первобытномъ

удовлетвореніи полового чувства, таинственные силы, опредѣляющія инстинктивное средство индивидуальной любви, соединяютъ временно оба пола, и силы эти дѣйствуютъ въ этомъ направленіи до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ нейтрализованы другими инстинктами, другими силами. Вотъ у насъ уже имѣется центръ жизни и разрушительныхъ элементовъ; вотъ уже причина тѣхъ разнообразныхъ феноменовъ, въ которыхъ проявляются различныя комбинаціи первоначальныхъ силъ. Не входя въ подробности, скажемъ, что полигамія, полиандрія, леви-ратъ, бракъ захватомъ, патріархатъ, личное и представительное правленіе и тому подобное, не представляютъ собою единой, универсальной прогрессіи, а выражаютъ лишь различные способы борьбы съ первоначальными силами ¹⁾.

Словомъ, нельзя утверждать, что началомъ человеческого общества была семья. Къ *инстинктивной* силѣ крови, къ необходимому и первобытному факту полового союза нужно присоединить *симбіозъ*, стремящійся стать территоріальнымъ и вытекающій изъ основной потребности самосохраненія; этотъ симбіозъ предполагаетъ полную кооперацію и сосѣдскую жизнь, вызываемую удовольствіемъ, симпатіей, необходимостью считаться съ требованіями другихъ людей; онъ предполагаетъ также полное сотрудничество—не мужа съ женою, не отца съ сыномъ, а одного человѣка съ другимъ.

Понятно теперь, каково должно быть рѣшеніе проблемы о происхожденіи государства или, лучше сказать,

¹⁾ Нѣтъ ничего болѣе вреднаго для столь плодотворной идеи эволюціи, какъ упорное стремленіе подчинить человечество одной и той же прогрессіи, на этапахъ которой останавливаются для обобщенія фактовъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего универсальнаго. Изъ основныхъ принциповъ, которыми опредѣляются законы социальнаго развитія, вовсе не слѣдуетъ, что явленіе, имѣвшее мѣсто у одного народа, необходимо должно имѣть мѣсто у другого; напротивъ, нѣтъ ничего столь измѣнчиваго, какъ первоначальные элементы социальной жизни—человѣкъ и его среда.

политическаго общества. Спенсеръ, который часто высказываетъ весьма ясные взгляды по этому вопросу, дѣлаетъ достойное вниманія замѣчаніе, критикуя Сомнера Мэна ¹⁾. Мэнъ, настаивая на своей теоріи первичности кровной связи, говоритъ: „нужно допустить, что всѣ древнія общества полагали, что члены ихъ одного происхожденія, — иначе трудно объяснить фактъ существованія у нихъ политическаго союза;... первоначально кровная связь является единственной возможной причиной политической коопераціи“... Спенсеръ отвѣчаетъ на это: „если подѣ древними обществами разумѣть тѣ, о которыхъ мы имѣемъ историческія свѣдѣнія, и если мы ограничимся обществами семитскими и арійскими, то съ этимъ взглядомъ можно согласиться; но если рѣчь идетъ о другихъ народахъ, то онъ не выдерживаетъ критики“ ²⁾. Такъ какъ природа политической коопераціи извѣстна (по Спенсеру эта кооперація возникаетъ вслѣдствіе столкновеній различныхъ соціальныхъ группъ), то мы замѣчаемъ, что она легче всего устанавливается тамъ, гдѣ народъ представляетъ собою агрегатъ людей, связанныхъ происхожденіемъ отъ одного предка, но мы встрѣчаемъ ее, однако, и тамъ, гдѣ между индивидуумами не существуетъ подобной связи. Члены австралійскаго племени, которые соединяются подѣ начальствомъ временнаго вождя для веденія войны съ другимъ племенемъ, не происходятъ отъ общихъ предковъ и не связаны между собою кровными узами... Сѣверо-Американскіе Крики, изъ которыхъ всѣ имѣютъ разные *тотемы*, — что указываетъ на различныхъ предковъ, — и численность которыхъ достигаетъ 25 тысячъ человѣкъ, разсѣянныхъ по 70 деревнямъ, устроили сообща очень сложную правительственную организацію“ ³⁾.

¹⁾ Основанія соціології, т. II, стр. 321.

²⁾ Ibid., стр. 521.

³⁾ Ibid., т. II, стр. 321.

Надо замѣтить, что возраженіе Спенсера, хотя оно вполне справедливо, страдает нѣкоторой неясностью и не имѣетъ общаго значенія. Оно не ясно потому, что нельзя понять, — какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ *Основаній социологии*, — говоритъ ли здѣсь Спенсеръ ¹⁾ о государствѣ, какъ политическомъ обществѣ, или о правительствѣ въ собственномъ смыслѣ; послѣднее не всегда представляетъ собою орудіе, *регулирующій аппаратъ*, составленный и установленный по рецепту Спенсера, потому что такого аппарата со всѣми его свойствами не существуетъ у рудиментарныхъ и мало-связныхъ социальныхъ организмовъ. Такъ напримѣръ, приводя наиболѣе первобытныя и элементарныя состоянія, у которыхъ нѣтъ политической организаціи, онъ называетъ: эскимосовъ, которые живутъ отдѣльными группами и, по словамъ Гэрна, „находятся въ состояніи полной свободы, такъ какъ никто не претендуетъ на власть и не желаетъ признавать власти другого“, — чипуэевъ, у которыхъ нѣтъ другой власти, кромѣ той, которою обладаетъ сильный характеръ, да и та мала, и пр. Но въ нападеніи и оборонѣ Спенсеръ видитъ силу, которою опредѣляется возникновеніе правительственнаго аппарата: „повсюду войны между обществами создаютъ правительственные аппараты и порождаютъ другія войны, которыя дѣлаютъ эти аппараты совершеннѣе, увеличивая такимъ образомъ силу коллективныхъ дѣйствій противъ сосѣднихъ обществъ“ ²⁾. Кромѣ того, „подъ политической организаціей нужно разумѣть ту часть социальной организаціи, которая, въ видахъ общественнаго интереса, завѣдомо исполняетъ функціи управленія и игра-

¹⁾ *Основанія социологии*, т. II, гл. 9 и т. III, часть 5.

²⁾ *Ibid.*, т. III, стр. 27. Нѣтъ ничего ошибочнѣе этой идеи, что государство зависитъ отъ потребностей борьбы. Государство, какъ внутренній юридическій союзъ, проистекаетъ изъ внутреннихъ связей и стимуловъ симпатіи.

етъ роль узды“¹⁾. Есть рудиментарныя общества, гдѣ не замѣтно общественныхъ интересовъ, равно какъ есть общества, не имѣющія политической организаціи.

Съ другой стороны, идея государства и его функцій находится у Спенсера въ полномъ соотвѣтствіи съ его индивидуалистическими принципами, въ силу которыхъ функціи эти сводятся къ охраненію личной свободы индивидуума (по юридической теоріи Канта) и внѣшней общественной безопасности; государство является, такимъ образомъ, органомъ принудительной силы. Этотъ взглядъ повторяется въ большей части его разсужденій о развитіи политическихъ учрежденій. По мнѣнію Спенсера, въ этихъ послѣднихъ всегда проявляется сила, принудительная власть, навязываемый авторитетъ²⁾.

Хотя эта идея является у Спенсера господствующей, однако изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его книги можно заключить, что онъ считаетъ невозможнымъ отождествлять понятіе *политическій* съ понятіемъ „принудительный“. Такое именно впечатлѣніе производитъ проводимое имъ различіе между элементомъ или органомъ военнымъ (внѣшняя защита) и элементомъ политическимъ въ собственномъ смыслѣ, становящимся таковымъ съ того момента, какъ онъ начинаетъ управлять и распоряжаться внутренней жизнью общества³⁾.

Во всякомъ случаѣ, при опредѣленіи политическаго общества необходимо, по моему мнѣнію, напирать не столько на *орудіе* власти, сколько на политическое общество само по себѣ, на государство и его главную роль. У рудиментарнаго общества можетъ не быть орудія власти въ собственномъ смыслѣ, но можетъ быть, однако, государство, потому что оно общество политическое, т. е.

¹⁾ *Основанія соціологіи*, т. III, стр. 336.

²⁾ *Ibid.*, т. III, глав. 4. См. также *Справедливость и Личность противъ государства*.

³⁾ *Ibid.*, т. II, стр. 102 и сл.

реальный мотивъ его существованія не заключается въ кровной связи. Нѣкоторыя племена, „какъ, на примѣръ Parous, Alfouous и природные жители острова Darlymple“, не имѣютъ вождей; люди живутъ въ мирѣ и между ними существуютъ такія братскія отношенія, что они вполне обходятся постановленіями праотцевъ, не нуждаясь въ другой власти. Тада не имѣютъ ни военной организаціи, ни политическихъ вождей; они миролюбивы, кротки и привѣтливы ¹⁾. Можно ли поэтому сказать, что эти общества не представляютъ собою государства? Нѣтъ, потому что у нихъ существуетъ извѣстный порядокъ человѣческихъ отношеній; государство, на самомъ дѣлѣ, не одно и то же, что *правительственный аппаратъ*. Съ другой стороны политическое общество предполагаетъ лишь идею болѣе или менѣе интенсивной полной коопераціи; оно складывается изъ факта симбіоза, стремящагося стать и дѣйствительно становящагося территоріальнымъ, и изъ факта постоянства общественной формы коопераціи, возникшей раньше населенія даннаго времени и обыкновенно остающейся въ силѣ, когда это населеніе умираетъ, оставивъ живущее поколѣніе. Принимая во вниманіе внутреннюю однородность первобытнаго общества, легко понять, что неполная дифференціація функцій и органовъ мѣшаетъ видѣть государство въ чистомъ видѣ. Но эта однородность не абсолютна, ибо если бы она была таковой, то не было бы общества. Тамъ существуетъ, прежде всего, различіе половъ, эта непосредственная причина коопераціи семейной, домашней, и различіе возрастовъ и способностей: различіе возрастовъ обуславливаетъ кооперацію домашнюю, а также соціальную; оно безъ сомнѣнія, служитъ причиною первобытнаго смѣшенія жизни семейной и политической; различіе же способностей и вкусовъ

¹⁾ *Названное сочиненіе*, стр. 98. Спенсеръ во многихъ мѣстахъ повторяетъ эту идею общества безъ правительства. См. *Личность противъ государства*.

вызываетъ обширную и всеобщую социальную кооперацію, выдѣляющую политическое государство, какъ органъ. Слѣдовательно, въ первобытное время могла существовать неопредѣленная политическая социальная форма. Въ этой формѣ политическая связь основана на ширской коопераціи въ виду общихъ цѣлей, поддерживаемой симбіозомъ—измѣнчивымъ, если это кочевое общество,—постояннымъ, если это общество осѣдлое. Здѣсь уже есть основной признакъ государства—мѣстоположеніе социального существа, опредѣляемое принципомъ его рациональной человѣческой жизни. Грубая, матеріальная форма, въ которую оно облечено, имѣетъ мало значенія; она заставляетъ только предполагать, что свѣтъ разума еще не озарилъ его; но подъ грубой вѣшной формой скрывается зародышъ возможнаго разумнаго будущаго. Это—необходимое историческое условіе болѣе мягкихъ и глубже захватывающихъ *юридическихъ* формъ будущаго.

Итакъ, вслѣдствіе отсутствія опыта и воспитанія и вслѣдствіе неполнаго развитія умственныхъ силъ дикій человѣкъ живетъ въ значительной степени животной жизнью; но если принять въ соображеніе послѣдующую судьбу дикаря, которая намъ извѣстна, то мы увидимъ, что эти первобытныя несвязныя формы, эти грубые, матеріальные институты были единственно возможными и рациональными при данныхъ обстоятельствахъ. Всѣ эти формы представляютъ собою пути, которыми первобытный человѣкъ ищетъ *равновѣсія*, гармоніи, порядка,—того именно, что составляетъ цѣль государства.

Между рудиментарными народами есть такіе, которые отличаются естественной привѣтливостью и доброю, искренностью и чисто братской ласковостью въ обращеніи, кроткими инстинктами. Они не нуждаются въ принудительной силѣ, какъ говоритъ Спенсеръ: Можно назвать: Rodos и Dhimaies, которые, по словамъ Годсона, противятся дурнымъ наклонностямъ съ непобѣдимымъ упорствомъ; Lerehas, которые скорѣе готовы пе-

реносить всякія лишенія, чѣмъ подчиняться гнету и несправедливости; *Santales*, отличающихся простымъ характеромъ и обладающихъ живымъ чувствомъ справедливости; *Iakus* южной части острова Суматры, которые совершенно безобидны; храбры, но миролюбивы, и повинуются лишь вождямъ, избраннымъ народомъ. У всѣхъ этихъ и многихъ другихъ племенъ наблюдается то, что Спенсеръ опредѣляетъ слѣдующими словами: „рядомъ съ живымъ сознаниемъ собственныхъ правъ, рѣдкое уваженіе къ правамъ другаго“.

Въ виду того, что эти качества предполагаютъ значительную долю сознательности, можно ли отрицать юридическую связь, создающую государство? ¹⁾).

Кромѣ того, у народовъ, имѣющихъ матеріалистическія, сложныя, сильныя, связныя организаціи, нужно еще обратить вниманіе на то, что предшествовало или, лучше сказать, что подготовило политическія учрежденія, истинно человѣческія свойства и приближеніе того, что мало по малу осуществляется въ жизни — идеаль братства и справедливости. Если мы посмотримъ сначала на человѣка, близкаго къ животному состоянію, жестокаго, дѣйствующаго подъ вліяніемъ инстинкта, и затѣмъ припомнимъ идеаль объединенія всего человѣчества на началахъ свободной, правовой коопераціи, то мы убѣдимся, что эти простыя общества, одаренныя хорошими инстинктами, но рудиментарныя и отсталыя, не могли дать достаточнаго удовлетворенія стремленіямъ человѣчества, и что искомый идеаль можетъ быть достигнутъ только вѣковымъ трудомъ. (Что такое исторія, или, лучше, сказать, что такое результатъ человѣческой эволюціи, какъ не постоянная, трудная работа съ цѣлью подняться выше первобытной грубости и непрерывная подготовительная

¹⁾ Истошивъ всѣ средства для водворенія господства права (функция и цѣль государства), человѣчество стремится провести правду въ общественную жизнь посредствомъ страха наказанія.

дѣятельность съ цѣлью достигнуть наивысшаго и совершеннѣйшаго разумнаго состоянія?

Глава X.

Общества домашнія и политическія. — Общества промежуточные. — Фюстель-де-Куланжъ. — Іерингъ.

При опредѣленіи начала политическаго государства представляется неодолимое, можетъ быть, препятствіе, вытекающее изъ того, что первобытные народы удовлетворяютъ свои потребности запутаннымъ, беспорядочнымъ образомъ и что въ соціальной эволюціи нѣтъ единой однообразной прогрессіи. Невозможно исходить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и въ каждый отдѣльный моментъ изъ родства, симбіоза и предполагаемыхъ ими индивидуальныхъ положеній. Это — постоянные связующіе элементы соціальнаго союза, потому что они имѣютъ въ своей основѣ спеціальныя *потребности* человѣка. Родство необходимо приводитъ къ господству родоначальниковъ или тѣхъ, кого считаютъ таковыми. Симбіозъ или сожительство въ одномъ мѣстѣ приводитъ къ господству талантовъ, вытекающихъ изъ разнообразія способностей. Эти различныя положенія порождаютъ недостатокъ гармоніи въ обществѣ: послѣднее разными средствами ищетъ порядка, правильности, равновѣсія, которое, будучи всегда неустойчивымъ, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе расширенія общественныхъ силъ и элементовъ, постоянно стремится къ устойчивости.

Идеи родства и симбіоза, кажушіяся намъ теперь столь ясными и столь различными, не всегда представлялись таковыми человѣку, а въ особенности первобытному. Родство производитъ теперь семью (въ трехъ видахъ, указанныхъ Штарке). Симбіозъ особей, получившихъ свою индивидуальность и не связанныхъ между собою родствомъ, создаетъ различныя общества съ ихъ

государствами. Съ другой стороны, дифференцированіе стремленій и идей человѣческихъ вызываетъ на свѣтъ различныя корпораціи (религіозныя, промышленныя, научныя). Различія эти не первичнаго характера: они появились не сейчасъ послѣ того, какъ мысль озарила слабымъ свѣтомъ человѣческій умъ. Поэтому мы часто видимъ, что религія оказываетъ такое вліяніе на социальную жизнь, что ею можно объяснить всѣ учрежденія этой послѣдней. *Древнюю общину*, по словамъ Фисстельде-Куланжа¹⁾, нельзя понять безъ религіознаго импульса. Иное—идеи собственности, дающія критерій для оцѣнки феодализма; иное—господство матеріальной силы, создающей исключительный военный типъ; иное, наконецъ,—наслѣдственная идея съ ея вотчинной формой, и проч.

Двѣ идеи, которыя, безъ сомнѣнія, труднѣе всего отдѣлать другъ отъ друга въ первобытныхъ обществахъ, это—идеи родства и симбіоза въ одномъ мѣстѣ съ постояннымъ или измѣнчивымъ характеромъ. Я показалъ, что первая представляетъ собою естественную основу семьи, вторая — основу политическаго общества. Однако, при неопредѣленности и аморфности первобытнаго общежитія, эти двѣ идеи сливаются и перемѣшиваются между собою, благодаря *логичному и ошибочному* мышленію человѣка и интенсивной силѣ индивидуальности, борющейся за свое освобожденіе. Можно было бы думать, конечно, что *матеріальный фактъ*, которымъ прежде всего опредѣляется социальный союзъ, т. е. актъ *рожденія*, составляетъ одну изъ наиболѣе непосредственныхъ социальныхъ связей; однако, такъ какъ фактъ этотъ не единственный и изолированный, а, напротивъ, человѣкъ рождается и живетъ вмѣстѣ съ себѣ подобными, то второй фактъ, въ свою очередь, опредѣляетъ социальную связь другого рода. Но эти факты сливаются и, смотря по обстоятельствамъ, проявляются съ различною интенсивностью въ разныхъ группахъ людей.

¹⁾ *Древняя община.*

Доказательствомъ одновременности указанныхъ двухъ вліяній можетъ служить расширеніе рамокъ родства и первобытный общинный характеръ послѣдняго. Если бы кровная связь была единственной, то родство ограничивалось бы двумя индивидуумами; но такъ какъ семья образуетъ соціальную группу, основанную на симбіозѣ и разнообразныхъ отношеніяхъ, то съ принципомъ крови соединяется другой принципъ, вслѣдствіе чего и получается такое расширеніе понятія родства. При подобномъ сліяніи факторовъ, существенная, постоянная потребность, которой отвѣчаетъ государство (потребность охраненія человѣческой жизни, *внутренняго* мира группы), удовлетворяется различнымъ образомъ, — не всегда при помощи спеціальнаго органа (правительства), но всякими средствами, имѣющимися въ данную минуту; поэтому, посредствомъ *домашней* формы или, лучше сказать, посредствомъ *фигуры* отношеній, считаемыхъ домашними (напримѣръ, *родъ*) реализуются не только функціи семейнаго *государства*, но и функціи политическія, такъ что регламентируются и такія отношенія, которыя, строго говоря, не принадлежатъ къ домашнимъ и не основываются на родствѣ въ собственномъ смыслѣ. Аристотель ¹⁾, говоря о происхожденіи семьи и политическаго государства, разумѣетъ подъ семьею и такія отношенія, которыя не основываются на кровной связи: „Двойной союзъ, говоритъ онъ, мужчины съ женщиною, господина съ рабомъ, составляетъ семью“. Союзъ второго рода есть, очевидно, симбіозъ, ограниченный предѣлами семьи, но предполагающій существованіе болѣе обширнаго общества, охватывающаго связанныхъ симбіозомъ членовъ. Дальше онъ говоритъ о союзѣ семействъ и наконецъ о государствахъ. Безъ сомнѣнія, этотъ союзъ семействъ есть уже государство, хотя и находящееся подъ вліяніемъ кровной связи; въ самомъ дѣлѣ, здѣсь существуетъ различіе способностей, вмѣстѣ съ необходимостью защиты

¹⁾ Политика, кн. I, гл. I.

и всѣмъ тѣмъ, что предполагаетъ союзъ не родственныи; здѣсь имѣетъ мѣсто практическое примѣненіе личной храбрости, словомъ, тутъ налицо совокупность тѣхъ юридическихъ отношеній, которыя организуются на политическихъ началахъ.

Не нужно забывать, что всѣ эти отношенія проявляютъ себя не съ одинаковой силой. Въ гражданскомъ развитіи всегда нужно считаться съ вліяніями условій физической среды, дѣйствующихъ на неодинаковый первобытный характеръ человѣка. Важность этихъ вліяній признана всѣми, начиная съ Аристотеля и кончая Монтескье и Тэномъ¹⁾; Спенсеръ воспользовался ими для различенія эволюціи типа промышленнаго и эволюціи типа военнаго (оба политическіе). Имъ-то и обязаны своимъ существованіемъ различные промежуточные типы со всѣми ихъ разнообразными отличительными чертами, типы, занимающіе среднее положеніе между типами домашними и политическими.

Въ началѣ, безъ сомнѣнія, господствуетъ смѣшеніе домашнихъ связей съ симбіозомъ. Выдѣленіе политическаго государства происходитъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ. По мнѣнію Сомнера Мэна, Спенсера, Жпро-Тейлона, совпадающему съ выводами, которые можно сдѣлать на основаніи самой эволюціи общества, выдѣленіе государства совершается въ силу сознанія различія, существующаго между связью по крови и связью по землѣ или, лучше сказать, по *мѣсту* или *пространству*. Семья (или семья-группа), которую Спенсеръ считаетъ переходной формой отъ несвязной первобытной группы къ группѣ чисто соціальной, имѣетъ уже ясно выраженный *политическій* характеръ; въ ней слиты прежнія группы, и связь, ихъ соединяющая, является несомнѣнно политической. Политическій элементъ выступаетъ еще

¹⁾ Аристотель, *Политика*; Монтескье, *Духъ законовъ*; Тэнъ, *Исторія англійской литературы*, т. I, введеніе.

рельефнѣе при переходѣ отъ кочевой жизни къ осѣдой, сопровождаемой установленіемъ опредѣленной связи съ землею и происходящимъ отъ этого приростомъ населенія ¹⁾. На это преобразование социальнаго типа нельзя смотрѣть, какъ на *замѣну* единственнаго, исключительнаго принципа кровной связи принципомъ территориальности. Оба принципа продолжаютъ существовать рядомъ, даже при господствѣ *техническаго строя* или идей семейной жизни. Болѣе того, — надъ этой семейной жизнью всегда господствуетъ и видоизмѣняетъ ее симбіозъ, который есть *фактъ* естественный и первобытный. При указанномъ преобразованіи общество дифференцируется посредствомъ усиленія двухъ началъ — кровной связи и симбіоза и возрастающей *спеціализаціи* отдѣльной личности. Такого именно взгляда придерживается Спенсеръ, хотя онъ выраженъ у него недостаточно ясно ²⁾.

Можно думать, что семья, о которой идетъ рѣчь, какъ самостоятельное, обособленное ядро, какъ группа *исторически* крайняя (потому что никакая другая группа ее не объемлетъ), представляетъ собою семью только по имени. На самомъ же дѣлѣ это политическая группа, хотя и растворенная въ идеѣ общей крови. Семья, о которой говоритъ Фюстель-де-Куланжъ, есть то же самое: „благодаря домашней религіи, она составляла маленькое органическое тѣло, маленькое общество со своимъ *вождемъ* и *правительствомъ*. Въ современномъ обществѣ ничто не можетъ намъ дать представленія о той отцовской власти“ ³⁾. И далѣе онъ прибавляетъ: „отсутствіе всякаго другого общества производитъ то, что первобытная изолированная семья расширяется, разворачивается и развѣтвляется“; вотъ форма, въ которой осуществляется социальный идеалъ.

¹⁾ Соціологія, т. III, стр. 616.

²⁾ *Ibid.*, т. III, гл. 9.

³⁾ Древняя община, стр. 96.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ семьей, которую считаютъ таковой, но которая на самомъ дѣлѣ не семья въ исключительномъ смыслѣ. Спенсеръ, говоря о семейныхъ группахъ, которыя являются не чѣмъ инымъ, какъ зародышами центровъ мѣстной политической жизни, говоритъ, что у нихъ *почти политическое* правительство и *почти политическая* автономія.

Къ числу писателей, лучше всего опредѣлившихъ природу *домашне-политическаго* общества, *государства-семьи*, хотя и ограничиваясь историческимъ изслѣдованіемъ римскаго права, принадлежитъ Терингъ. Знаменитый юристъ говоритъ, что „государство, это—естественная потребность; государство существуетъ всегда“¹⁾. Но потребность эта удовлетворяется сообразно со средствами, которыми обладаетъ та или другая эпоха; она состоитъ въ *координированіи* составныхъ элементовъ общежитія и стремится къ *подчиненію* (субординаціи) его себѣ. Вотъ почему я выше сказалъ, что на многія матеріальныя и принудительныя учрежденія слѣдуетъ смотрѣть, какъ на такія, которыя установили между людьми политическіе навыки²⁾. Для Теринга римское военное устройство представляется весьма важнымъ съ этой точки зрѣнія, такъ какъ оно представляетъ собою элементъ подчиненія. „Корни античнаго государства лежатъ въ семьѣ, его верхушка и вѣтви сливаются съ военнымъ строемъ. Другими словами, [родъ и положеніе, занимаемое въ немъ индивидуумомъ, основаны на идеѣ семьи; курии, трибы съ ихъ вождями и царемъ имѣютъ въ своемъ основаніи военный интересъ“. Кромѣ того, на низшихъ ступеняхъ жизни семья играетъ совершенно иную роль, чѣмъ теперь. Въ самомъ дѣлѣ, это

¹⁾ *Духъ римскаго права*, т. I, стр. 179.

²⁾ Эти идеи *координаціи* и *субординаціи* (подчиненія) очень поучительны. *Координація*—идеаль *государства*; *субординація* необходима для *правительства*; но нужно имѣть въ виду, что *субординація* есть только средство для достиженія координаціи. Анархизмъ этого не понимаетъ.

не была семья, основанная на любви, кровной связи, соединеніи людей въ силу родства, соединеніи, становящемся тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ ближе родство. Напротивъ, сообразно съ первобытными условіями, семья была «суррогатомъ государства», и пока она оставалась таковою, она нуждалась въ болѣе крѣпкой организаціи, чѣмъ тогда, когда полное развитіе формъ и могущества государства освободило ее отъ этой функціи. Будучи государствомъ въ миниатюрѣ, она должна имѣть строй государства; узы родства не могутъ быть всецѣло узами любви; это узы *политическія* ¹⁾. «Съ теченіемъ времени семья, основанная на государственномъ началѣ, преобразуется въ государство, построенное на семейномъ началѣ; многія семьи соединяются, одна и та же семья обращается въ расу и даетъ начало многимъ вѣтвямъ и семьямъ. Такимъ-то образомъ возникаетъ политическій союзъ расъ» ²⁾. Последующими соображеніями доказывается это первобытное сліяніе домашнихъ и политическихъ признаковъ. Далѣе, Герингъ указываетъ на патріархальное государство, какъ на элементъ соціальной дезинтеграціи семьи и государства.

Чтобы показать, что нѣкоторыя соціальныя группы имѣютъ характеръ промежуточныхъ инстанцій между состояніями домашнимъ и политическимъ; выражаемыми въ семьѣ и государствѣ, приведемъ мнѣніе Геринга о родѣ. Намъ не интересуется природа этого послѣдняго, которая по сію пору является спорной ³⁾. Представляетъ ли родъ группу дѣйствительныхъ родственниковъ, или

¹⁾ *Названное сочиненіе*, т. I, стр. 180—181.

²⁾ *Ibid.*, т. I, стр. 181.

³⁾ Трудно, говоритъ Фюстель-де-Куланжъ, опредѣлить отличительныя черты *рода*. Есть много мнѣній по этому вопросу; приведу лишь главные. Родъ характеризуется: 1) сходствомъ имени; 2) связью между одной семьей, пользующейся патронатской властью, и другими, являющимися ея кліентами; 3) нѣкотораго рода искусственнымъ родствомъ, соединяющимъ въ поли-

политическую ассоціацію нѣсколькихъ семействъ, или, наконецъ, что-либо другое, это здѣсь не важно; что насъ болѣе всего интересуетъ, это слѣдующій выводъ Геринга: *родъ есть тождество семьи и государства*; родъ, если хотите, есть семья съ политическимъ характеромъ, или общество съ семейнымъ характеромъ. Онъ сохранилъ сходство съ семьею, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлался политическимъ институтомъ ¹⁾. Его политическій характеръ проявляется въ томъ, что «связь, образующая родъ, охватываетъ все существованіе индивидуума. Всѣ интересы его жизни связаны съ родомъ и находятъ въ немъ, если не полное удовлетвореніе, то, по крайней мѣрѣ, точку опоры; таковы: культъ боговъ, военная служба и пользованіе политическими правами» ²⁾. Родъ, какъ промежуточную инстанцію между состояніями политическимъ и домашнимъ, нельзя разсматривать только съ точки зрѣнія мѣста, занимаемаго имъ въ государствѣ, составленномъ изъ родовъ. Родъ или первобытная семья, предшествуя государству, въ которомъ соединены различные роды, жилъ изолированно и потому не былъ въ состояніи обходиться безъ своихъ политическихъ функцій въ ту эпоху, когда онъ былъ высшимъ обществомъ, т. е., какъ говоритъ Фюстель-де-Куланжъ ³⁾, когда общества еще не было. Разъ члены соціальной группы соединились не только въ силу полового влеченія или зависимости одного возраста отъ другого, но и въ силу занятія одной и той же территоріи (временно или постоянно), то они составляютъ группу не только домашнюю, но и политическую. Таковъ, какъ мы видѣли, характеръ клана, ирландскаго сента, деревенскихъ общинъ, рода и всѣхъ

тическую ассоціацію нѣсколько семействъ, чуждыхъ между собою по происхожденію; 4) общимъ предкомъ, соціальнымъ культомъ; 5) дѣйствительнымъ родствомъ.

¹⁾ *Духъ римскаго права*, т. I, стр. 135.

²⁾ *Духъ римскаго права*, т. I, стр. 183.

³⁾ *Древняя община*, стр. 124.

болѣе или менѣе первобытныхъ ассоціацій, которыя, хотя *формально* ими управляютъ узы родства, *фактически* держатся на общности крови и территориальномъ симбіозѣ.

Заключеніе.

Резюмируемъ вкратцѣ результатъ нашихъ долгихъ и сложныхъ изслѣдованій. Политическое общество *первобытнаго* происхожденія, потому что оно отвѣчаетъ постоянной потребности человѣческой жизни, потребности, состоящей въ томъ, чтобы жить сообща въ одномъ мѣстѣ (постоянно или временно) и чтобы людей *фактически* соединяла связь, не тождественная съ кровной связью. Въ началѣ политическое общество слито съ обществомъ домашнимъ; *по формѣ* долгое время ихъ нельзя отличить другъ отъ друга, и они объясняются одно другимъ. Различіе между ними начинаетъ обнаруживаться благодаря болѣе или менѣе сознательному выдѣленію изъ смѣшаннаго и аморфнаго первобытнаго общежитія двухъ типовъ: 1) домашнего общежитія или семьи, этого продукта полового союза и инстинктивной кооперации, цѣль которой сгладить различія возраста; 2) сосѣдскаго общежитія съ тенденціей сдѣлать это сосѣдство постояннымъ и держаться на опредѣленной территоріи; поэтому писатели придаютъ такое важное значеніе переходу отъ кочевой жизни къ осѣдлой въ вопросѣ о происхожденіи политической соціальной организаціи. Территориальный симбіозъ составляетъ, кромѣ того, юридическое ядро, которое разворачивается, развивается въ столкновеніяхъ съ другими, себѣ подобными, совершенствуя, такимъ образомъ, свой правительственный аппаратъ, если только не погибаетъ само. ¹⁾ Это - то *соціальное раздвоеніе* и производитъ из-

¹⁾ Во всякой соціальной группѣ нужно, какъ въ индивидуумѣ, различать, кромѣ внутренняго элемента — *среды*, еще

вѣстное въ исторіи отдѣленіе *публичнаго* права отъ *частнаго*, при чемъ происходитъ оно послѣ періода полного господства публичнаго права, и не столько благодаря существованію государства (которое было бы тогда политическимъ), сколько благодаря самому *соціальному общежитію*. Кромѣ того, динамическимъ центромъ, созданнымъ явнымъ стремленіемъ къ дезинтеграціи, служить также возрастающее усиленіе отдѣльной личности.

Прогрессія или, правильнѣе, эволюція, посредствомъ которой изъ первобытнаго состоянія *соціальной аморфности* выходятъ домашнія общества, различныя политическія общества и общества съ специальными задачами, одинакова для всѣхъ этихъ типовъ только въ *своихъ основныхъ чертахъ*¹⁾. Нужно имѣть въ виду, что общество есть результатъ дѣйствія среды на *первоначальную психическую энергію расы* (Тэнъ, Спенсеръ).

внутренній элементъ—субъекта. Какъ жизнь индивидуума есть результатъ его энергіи *плюсъ* среда, такъ и группа есть продуктъ той же среды со всѣми ея сложными элементами.

¹⁾ То обстоятельство, что я не признаю *единой и однообразной* прогрессіи въ эволюціонномъ развитіи *основныхъ юридическихъ институтовъ* (семьи, общества и государства) подало, безъ сомнѣнія, знаменитому испанскому соціологу (Sales у Ferré, *Трактатъ соціологій*, гл. II, стр. 20) поводъ, на основаніи испанскаго изданія настоящей книги, обвинять меня въ двусмысленности. Быть можетъ, я выразился недостаточно ясно, но идея моя не заключаетъ въ себѣ ничего двусмысленнаго. Какъ признаетъ самъ г. Sales, я согласенъ съ мнѣніемъ Спенсера, что первобытныя группы должны были въ сильной степени отличаться разнообразіемъ, неустойчивостью и смѣшанностью (Спенсеръ, *Основанія соціологій*, т. II, стр. 255 и 299). Но дальше я иду не безъ большихъ колебаній, потому что, *отчасти* соглашаясь съ Тардомъ (*Transformations du droit*), я думаю, что не существуетъ однообразной эволюціонной прогрессіи *соціального строя*. Но я расхожусь съ Тардомъ,—какъ это можно видѣть по моимъ примѣчаніямъ къ испанскому переводу его труда (стр. 31 и 43),—когда онъ думаетъ, что можно допустить нѣкоторыя общія и тождественныя черты въ эволюціонномъ развитіи; мнѣ кажется,

Только сдѣлавъ синтетическую группировку основныхъ чертъ, которыя въ концѣ концовъ создаютъ политическія общества, и взявъ ихъ притомъ въ большей или меньшей степени ихъ внутренней сложности и обширности ихъ задачъ, можно составить идеальный организмъ, который охватилъ бы всѣ политическіе союзы: муниципальные города, области, націи, союзы націй и всемірное человѣческое государство (Краузе, Giner).

Имѣя это въ виду, не трудно замѣтить, что территориальнаго характера, которымъ обладаетъ человѣческое общество, какъ общество политическое, не достаточно еще для того, чтобы это послѣднее сдѣлалось государствомъ въ специфическомъ смыслѣ. Нельзя отрицать, что собственная, имѣющая опредѣленные границы территория есть условіе политическаго общества; даже болѣе, развитіе коллективности на этой территоріи служитъ причиною возникновенія политическаго государства; это—средство для организациі человѣческой жизни на землѣ. Вотъ почему территория пріобрѣтаетъ исключительную важность; она либо опредѣляетъ собою границы государственной территоріи (какъ это мы видимъ въ греческихъ городахъ), либо становится исключительной собственностью государства; территориальная идея въ концѣ концовъ пріобрѣтаетъ такую силу, что исключительное владѣніе землею становится основаніемъ политической

что едва ли удобно и возможно свести это послѣднее къ необходимымъ и тождественнымъ общностямъ, какъ это дѣлаетъ Sales, на мой взглядъ, слишкомъ поспѣшно. Было бы желательно, чтобы эволюционисты никогда не забывали первичныхъ силъ эволюціи (факторовъ, какъ называетъ ихъ Спенсеръ), такъ какъ, хотя эти послѣднія играютъ существенную роль и проявляются всякими способами, результатъ, однако, бываетъ различный, потому что эти факторы комбинируются различнымъ образомъ. Этимъ-то объясняется неодинаковая прогрессія различныхъ человѣческихъ формаций, а также сходныя черты въ частныхъ эволюціяхъ народовъ и расъ, не находившихся между собою въ связи ни первоначально, ни въ позднѣйшія стадіи.

власти. Но подобно тому, какъ [идея государства вообще не заключаетъ въ себѣ ничего матеріальнаго, потому что она предполагаетъ только свободную организацію жизни человѣка на началахъ взаимности,] такъ территорія не представляетъ единственной формы овеществленія идеи политическаго государства, какъ это теперь думаютъ. Территорія, какъ матеріальное, внѣшнее выраженіе государства, есть условіе политическое, потому что она опредѣляетъ границы государства; но нельзя вполне опредѣлить государство однимъ изъ его конкретныхъ выраженій; напротивъ, оно обнимаетъ всѣ эти выраженія въ одной гармоніи; территорія и специальная связь общины съ землей, на которой она живетъ, составляютъ лишь отличительные признаки политическаго элемента, а не природы государства. Это начинаютъ понимать теперь и въ практикѣ, не смотря на то, что въ политическихъ, а особенно территоріальныхъ отношеніяхъ царитъ еще *варварство*. Обратите вниманіе на возрастающую съ каждымъ днемъ *психологическую проницаемость* различныхъ государствъ, на все увеличивающуюся гармонію между разнообразными государствами, находящимися на одной и той же территоріи, на всеобщее распространеніе того взгляда, что государство есть *универсальный* правовой порядокъ. „Если кто-либо рѣшается въ настоящее время, говоритъ Герингъ, покинуть государство, къ которому принадлежитъ, то его не смущаетъ вопросъ о его правахъ, потому что онъ воздѣ находитъ юридическую атмосферу и всюду носитъ съ собою свою правоспособность. Напротивъ, въ древнее время, напримѣръ въ Римѣ, тотъ, кто желалъ выйти изъ государства, къ которому онъ принадлежалъ, отказывался отъ своего права, лишался юридической атмосферы, которой онъ дышалъ лишь въ этомъ государствѣ, и переходилъ въ пустое пространство, которое окружало его со всѣхъ сторонъ; онъ оставлялъ оазисъ, чтобы затеряться въ пустынь... Право и свобода суть въ настоящее время воздухъ и

вода, *res communes omnium*, которыми наслаждаются всѣ, какъ туземцы, такъ и иностранцы; это—вещи, которыя мы легко забываемъ, потому что находимъ ихъ повсюду, и которыя не прикрѣпляютъ насъ къ отечеству, какъ это было въ тѣ времена, когда мы ихъ могли найти лишь въ своей землѣ“¹⁾.

Есть одинъ пунктъ, относительно котораго начинается устанавливаться согласіе между всѣми философами, даже наиболѣе далекими отъ идеализма; мы говоримъ о той идеѣ, что лучшимъ средствомъ для уничтоженія соперничества между людьми является созданіе все болѣе обширныхъ и однородныхъ соединеній. Правовое государство есть тотъ именно социальный органъ, который посредствомъ полной организаціи свободныхъ отношеній освящаетъ всѣ союзы, въ коихъ уничтожается соперничество между людьми.

¹⁾ *Духъ римскаго права*, т. I, стр. 231.

Приложение I.

Положительныя черты государства.

Въ обыденной рѣчи слово „государство“, безъ сомнѣнія, всегда означаетъ государство, какъ предметъ политики; оно—фокусъ, въ которомъ сходятся всѣ стремленія соціальныхъ классовъ; оно—почва, на которой разгораются партійныя страсти; въ своей дѣятельности оно обнаруживаетъ въ настоящее время поглащательныя тенденціи. Но, не смотря на общепризнанность этого взгляда на государство, не смотря на то рѣдкое единодушіе, съ которымъ всѣ разсматриваютъ государство, какъ объектъ политики, однако, лишь только сдѣлаешь попытку объяснить его природу обстоятельнѣе, начинаются сомнѣнія и безконечныя споры. Коротко сказать, слово „государство“ по всей справедливости можетъ выразить собою болѣе обширный кругъ идей, чѣмъ тотъ, который охватывается политикой. Помимо своего первоначальнаго, широкаго значенія (какъ понятія, противоположнаго измѣнчивости), государство, въ смыслѣ правового государства, обнимаетъ индивидуальную и соціальную жизнь каждаго индивидуума. При опредѣленіи политическаго государства это необходимо помнить. Мало того, если даже принять государство въ его собственномъ смыслѣ, т. е. стать на точку зрѣнія исключительно политическую, то все же разные изслѣдователи будутъ расходиться въ своихъ взглядахъ на его природу, потому что изученіе ея представляетъ въ настоящее время большія трудности.

Всякое государство обладаетъ слѣдующими признаками, безъ которыхъ оно не можетъ быть названо госу-

дарствомъ, которые, слѣдовательно, сами собою подразумеваются въ томъ матеріальномъ предметѣ, который носитъ названіе государства: 1) группа разумныхъ существъ; 2) опредѣленная территорія (постоянная или измѣнчивая), на которой она живетъ; 3) всеобщая кооперація во всемъ, что относится къ цѣли, ради которой индивидуумы соединились на этой территоріи; 4) независимость этой группы отъ другихъ группъ и отъ природы; 5) организація, приноровленная къ группѣ и къ условіямъ; 6) автономія для управленія своей внутреннею и внѣшнею жизнью.] Государство есть социальная группировка людей, соотвѣтствующая этимъ признакамъ. Если мы сравнимъ эти послѣдніе съ существенными чертами любой коллективной единицы, мы сейчасъ же замѣтимъ характерные признаки политическихъ обществъ. Извѣстно, что коллективная личность требуетъ: 1) множественности индивидуумовъ; 2) общей цѣли и коопераціи для достиженія этой цѣли; 3) приспособленной организаціи. Не идя дальше политическаго общества, мы видимъ, что это послѣднее не состоитъ только изъ такихъ личностей, которыя остаются на опредѣленной территоріи, что кооперація въ немъ такая же всеобщая или полная, какъ и цѣль ея, и, наконецъ, она пріобрѣтаетъ свою независимость и автономію опредѣленнымъ способомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ силою.

На основаніи этого, мы можемъ сказать, что государство, какъ предметъ политики, всегда состоитъ изъ *полныхъ или универсальныхъ обществъ*.

Посмотримъ теперь, почему и въ чемъ политическое государство отличается отъ этихъ обществъ.

Независимо отъ этимологическаго значенія слова „политика“ (отъ *polis*, городъ, государство), полными или универсальными обществами будутъ, по Шеффле, такія, которыя имѣютъ истинно-политическій характеръ, которыя смотрятъ на человѣка, какъ на существо политическое, по выраженію Аристотеля. Въ самомъ дѣлѣ,

общества эти зиждутся на полной человеческой природѣ; связь, соединяющая ихъ членовъ между собою, коренится въ коопераціи для всеобщей цѣли. Человѣкъ является здѣсь не промышленникомъ, не артистомъ, не воиномъ, а человѣкомъ вообще или, если хотите, разумнымъ существомъ. Чтобы видѣть, въ чемъ состоитъ политическая связь, соединяющая людей, и какъ въ политическомъ обществѣ является государство, необходимо разсмотрѣть, какъ образовалась идея человеческого общества. Человѣческое общество во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только его находятъ, отвѣчаетъ жизненной потребности его членовъ. Не входя даже въ разсмотрѣніе историческихъ фактовъ, мы видимъ, что идея человеческого общества является естественнымъ средствомъ, которымъ люди осуществляютъ различныя цѣли своего существованія въ порядкѣ ихъ послѣдовательнаго развитія. Человѣкъ стремится къ соціальной жизни какъ въ силу своего физиологическаго устройства, такъ и въ силу своихъ психологическихъ потребностей. Съ первыхъ моментовъ существованія онъ зависитъ отъ условій, безъ которыхъ жизнь была бы для него невозможна. Тотъ болѣе или менѣе совершенный путь, которымъ человѣкъ идетъ къ достиженію своей конечной цѣли, служитъ причиной, обуславливающей разнообразіе человеческихъ соціальныхъ сферъ, для согласованія которыхъ существуетъ специальная организація. Это не историческій ходъ развитія извѣстныхъ намъ обществъ, но скорѣе идеальное построеніе, основанное на различномъ комбинированіи составныхъ элементовъ каждаго общества, при чемъ принимаются во вниманіе одни существенныя условія, въ которыхъ эти комбинаціи должны имѣть мѣсто, независимо отъ дѣйствующихъ въ исторіи случайныхъ вліяній.

Изъ этого возрѣнія вытекаетъ первая ступень человеческихъ обществъ, семья; человѣкъ *создаетъ себѣ подобныхъ*, отыскивая дополненіе къ своей несовершенной природѣ. Домашнее общество—это, собственно говоря,

не первобытное общество (исторія по крайней мѣрѣ подвергаетъ это сомнѣнію), а простѣйшее изъ всѣхъ обществъ, которыя человѣкъ можетъ создать, когда онъ желаетъ имѣть полную, всеобщую кооперацію. Первое индивидуальное несовершенство, обнаруживающееся въ человѣкѣ, — различіе половъ, — разрѣшается семьей, которая, кромѣ того, замѣняетъ недостатокъ силъ въ первые годы его существованія. Поэтому домашнее общество, въ какой бы исторической формѣ ни разсматривать его, есть общество естественное, самопроизвольное, наиболѣе рациональное и простѣйшее.

Если свести домашнее общество къ его составнымъ элементамъ, посредствомъ ли дѣйствительнаго разложенія или посредствомъ теоретическаго анализа, то оно распадается только на индивидуумы. Кооперація въ немъ есть сотрудничество одного индивидуума съ другимъ — либо съ цѣлью дѣторожденія, либо въ видахъ взаимной помощи, либо ради содержанія и воспитанія дѣтей. Если изслѣдовать основныя черты той связи, которую предполагаетъ семья, то мы увидимъ теперь, что это не чисто политическая связь. Съ извѣстной точки зрѣнія это несомнѣнно юридическая связь; но главнымъ образомъ это связь домашняя, если обратить вниманіе на цѣль, служащую мотивомъ полового союза и дѣлающую этотъ первобытный союзъ постояннымъ; домъ, въ которомъ живетъ семья, представляетъ собою матеріальное выраженіе этой связи, и кровныя узы, освящающія соединеніе мужчины съ женщиной въ лицѣ рожденныхъ дѣтей, служатъ опорой этого неразрывнаго союза. Въ семьѣ мы имѣемъ домашнее право и домашнее состояніе, но нѣтъ политическаго государства ¹⁾.

Однако, въ семьѣ заключается также элементъ политическаго общества; моногамная семья есть либо не-

¹⁾ См. Giner y Calderon, *Естественное право*, часть органическая.

зависимая органическая единица, социальная клеточка, по смыслу выражению Шеффле ¹⁾, либо первобытная неопредѣленная и не связная форма. Въ самомъ дѣлѣ, политическія общества составляютъ союзъ семействъ и индивидуумовъ. Человѣческія общежитія состоятъ изъ индивидуумовъ и группъ перваго порядка, т. е. домашнихъ; они имѣютъ въ своемъ основаніи не кровную связь и представляютъ собою кооперацію, разрѣшающую не половой антагонизмъ ²⁾, а антагонизмъ, вытекающій изъ различія способностей. Антагонизмъ этого рода является причиной, вызывающей у разумныхъ существъ стеченіе требованій и взаимныхъ свободныхъ услугъ, составляющихъ предметъ права. Въ семьѣ человѣкъ находитъ удовлетвореніе одной своей потребности и свое дополненіе.

На первыхъ порахъ своего существованія человѣкъ можетъ восторжествовать въ *борьбѣ за жизнь* не иначе, какъ рождая дѣтей въ семьѣ; но полную реализацію своего назначенія во всей цѣлости онъ можетъ найти лишь въ болѣе широкой коопераціи, не зависящей отъ различія половъ и возрастовъ. Связь здѣсь основана на самомъ дѣлѣ не на крови и не на общности происхожденія, выражаемой тождествомъ предковъ, а на общности *природы*. Эта - то общность, вмѣстѣ съ разнообразіемъ, въ которомъ проявляется всякое человѣческое существо (индивидуальность), есть *raison d'être* общества вообще; свои особенныя конкретныя черты, отличающія ее отъ другихъ аналогичныхъ обществъ, она сохраняетъ въ себѣ при помощи *территориальнаго симбіоза*, придающаго ей политическій характеръ.

На мой взглядъ, существенной характеристической чертой политическаго общества, — правда, внѣшней и ма-

¹⁾ См. Шеффле, *Строеніе и жизнь социальнаго тѣла*.

²⁾ См. Краузе, *Идеалъ человечества*.

теріальною,—являється *симбіозъ*, спільна життя кочовихъ народівъ, а въ особливості територіальний симбіозъ ¹⁾ індивідуумівъ і семействъ, об'єдналихся або въ силу общности походження, або завдяки випадковості, або внаслідок війни, або, нарешті, по якій-небудь другій причині, і задовольняючихъ, за допомогою кооперації, свої потреби, такі які вони були, аналогічнимъ способомъ. При найближчому розгляді ознак, які звичайно вважаються особливими, характеристичними ознаками політичнихъ обществъ (ми побачимо далі, що багато взагалі не такі), не важко переконатися, що більшість їхъ випливає зъ цього територіального симбіоза. В первобитнихъ обществахъ політичне державство прагне мати постійну територію, і в кінці кінцівъ воно цього досягає. Воно має певну територіальну фізіономію; діяльність його здійснюється на території і обмежується її межами; його колективна сила виявляється на території. Територіальна ідея сама по собі вже підразумеває юридико-політичну зв'язь між кускамъ землі і колективною особою, якою займається і на ній живе ²⁾. Визначити цю зв'язь важко: її змішували зъ тією зв'язью, яку передбачає ідея територіальної власності (феодалізм), а також зъ простимъ захоптомъ (завоювання),—помилки, залишивші свій слід на общераспространеному представленні о верховній владі держави. А між тим зв'язь ця дуже різ-

¹⁾ Штарк (Первобитна сім'я) належить до числа письменників, які краще всіх показали всю важливість простого факта спільної життя, являючогося причиною територіальної зв'язі.

²⁾ Політичне общество є для деякихъ націй, котра, по щасливому вираженню Ренана, „отримується зъ тісного союзу групи людей зъ країною“. *Історія Ізраїльського народу*, т. I, стр. 171.

нообразна: можно сказать, что она представляет собою кристаллизацию общественной идеи со средою и, кромѣ того, выражаетъ тотъ способъ, которымъ эти кристаллы осѣли на землю.

Въ самомъ дѣлѣ, при ближайшемъ разсмотрѣніи человѣческихъ обществъ, достигающихъ опредѣленной степени устойчивости, можно замѣтить, что даже не имѣя естественныхъ границъ, они тѣмъ не менѣе, преслѣдуя свои цѣли и стремясь выполнить ихъ въ существенныхъ чертахъ, всегда ограничиваются опредѣленной частью территоріи. Политическія общества въ своихъ сношеніяхъ, въ своей дѣятельности, всегда принимаютъ во вниманіе занимаемую ими территорію; они повинуются такому образомъ извѣстнымъ вліяніямъ, кои превращаютъ территорію въ элементъ силы, дѣйствующій вмѣстѣ съ специальной организаціей, которую вырабатываетъ себѣ каждое государство въ исторіи (географическое приспособленіе). Исключеніе составляетъ семья, начало которой положили, какъ извѣстно, половое общеніе и воспитаніе дѣтей, при чемъ въ этихъ же функціяхъ заключается и ея *raison d'être* (хотя все-таки существуетъ потребность въ домашнемъ очагѣ, *home*, какъ говорятъ англичане). Надо, кромѣ того, замѣтить, что занятіе территоріи имѣетъ не абсолютное матеріальное значеніе, а лишь относительное, специальное, юридическое, потому что нерѣдко случается, что на одной и той же территоріи существуетъ нѣсколько государствъ; эта территорія можетъ, слѣдовательно, служить почвою для различныхъ политическихъ обществъ, не разрушая ни одного изъ нихъ. Такъ, *національная* территорія, особенно въ федеративныхъ государствахъ съ *self government* (напримѣръ Соединенные Штаты Сѣверной Америки), есть въ то же время территорія *областныхъ и муниципальных* государствъ; она вмѣстѣ съ тѣмъ есть фундаментъ, физическая *подпора* домашнихъ очаговъ многихъ семействъ.

Приложеніе II.

Гипотеза, противоположная теоріи первобытнаго матриархата.

I.

Столь трудная проблема о первобытномъ состояніи человѣка не принадлежитъ, собственно говоря, къ области исторіи, потому что нѣтъ прямыхъ источниковъ, которые могли бы ее разрѣшить; болѣе или менѣе определенное рѣшеніе ея должно поэтому основываться на догадкахъ и предположеніяхъ, въ которыхъ нужно быть очень осторожнымъ. Господствующей теоріей, которая, по моему мнѣнію, болѣе всего согласуется съ требованіями нашего духа ¹⁾ и подкрѣплена наиболѣе солидными аргументами, слѣдуетъ считать ту, которая утверждаетъ, что первымъ состояніемъ человѣчества было состояніе дикости, аналогичное въ общихъ чертахъ съ состояніемъ современнаго дикаря. Допустить же, вмѣстѣ съ Whately, существованіе въ первобытныя времена цивилизаціи и высокой культуры, послѣ чего одна половина человѣческаго рода пошла впередъ, а другая безвозвратно пошла назадъ,—это возможно только путемъ вѣры, которая, вѣроятно, бесполезна для позднѣйшихъ религіозныхъ убѣжденій.

Замѣтимъ, что преобладаніе первой изъ этихъ двухъ теорій обнаруживается въ томъ выдающемся значеніи, которое современные соціологи признаютъ за изученіемъ дикаря въ дѣлѣ построенія гипотезъ, касающихся первобытнаго состоянія человѣка. И это понятно: если мы допустимъ, что состояніе современнаго дикаря есть результатъ вырожденія, а не замедленнаго движенія или застоя, то изученіе его обычаевъ, языка и учрежденій не можетъ дать намъ точки опоры для заключенія о

¹⁾ Какъ говоритъ Штаркъ въ своей *Первобытной семьѣ*.

томъ, какъ жили наши болѣе отдаленные предки. Но если, напротивъ, мы считаемъ, подобно Сомнеру Мэну, нынѣшнихъ дикарей нашими дикими предками, то изученіе ихъ быта можетъ быть намъ полезно.

Жизнь нынѣшнихъ дикарей легла въ основу всѣхъ соціологическихъ выводовъ Спенсера, идей Леббока о началѣ цивилизаціи и остроумныхъ гипотезъ о происхожденіи и эволюціи семьи и общества, построенныхъ Бахофеномъ, Макъ-Леннаномъ, Морганомъ, Штаркомъ, Шеффле и другими, не исключая самого Сомнера Мэна. Предполагаютъ, что чѣмъ больше люди приближаются къ своему начальному моменту, тѣмъ болѣе они похожи на высшихъ животныхъ своими обычаями, чувствами и идеями. Этимъ путемъ приходятъ въ болѣе или менѣе ясной формѣ къ гипотезѣ Дарвина. Но если даже не принять этой гипотезы со всѣми ея трансформистскими выводами, то все же очевидно, что если человѣкъ живетъ разумомъ, то этотъ послѣдній обладаетъ большей или меньшей силой, а человѣкъ — большими или меньшими способностями, смотря по тому, преобладаетъ ли въ немъ элементъ фізіологическій, элементъ страсти, элементъ конечный и индивидуальный, или же элементъ моральный, т. е. человѣческій по существу. Поэтому вовсе не рискованно думать, что, когда человѣкъ находился въ дикомъ состояніи, умъ его былъ слабъ и рудиментаренъ, а такое состояніе ума, обусловленное средою и физической необходимостью, свойственно и животнымъ. Высшія животныя мыслятъ, но это мышленіе опредѣляется непосредственными стимулами.

Исходя изъ этихъ предположеній, ученые пришли къ противорѣчивымъ выводамъ. Вообще, допуская нѣкоторыя посылки, — не всегда, правда, имѣющія строгое основаніе, — они предполагаютъ, что соціальное состояніе первобытнаго человѣка представляло собою болѣе или менѣе единую, болѣе или менѣе обширную семью. Сомнеръ Мэнь, Гротъ, Ланге, Момзенъ и всѣ тѣ, которые

въ своихъ изслѣдованіяхъ пользуются древнѣйшей исторіей современныхъ цивилизованныхъ народовъ (арійской расы), признають первобытной соціальной формой ограниченный патріархатъ. Бахофенъ, Макъ-Леннанъ, Морганъ, Леббокъ, Жиро-Тейлонъ признають первобытное семейное состояніе ордою или племенемъ, основаннымъ на порядкѣ происхожденія по матери (матріархатъ). Теорія этихъ послѣднихъ характеризуется тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, въ первобытныя времена мужчина занимаетъ низшее положеніе, а женщина является центромъ общества и силою, движущей его впередъ.

Извѣстно, какая страстная полемика возгорѣлась по поводу этихъ теорій, какъ горячо защищаль Сомнеръ Мэнъ доктрину патріархата, на которую такъ жестоко нападали Макъ-Леннанъ и другіе. Въ настоящій моментъ вопросъ еще не рѣшенъ. Гэрнъ ¹⁾ протестуетъ противъ теоріи матріархата, которую Жиро-Тейлонъ считаетъ вполне доказанной ²⁾. Спенсеръ ³⁾, въ свою очередь, оспариваетъ патріархатъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гипотезу первобытнаго безпорядочнаго сожителства, полового безразличія и абсолютнаго коммунизма. Наконецъ, Штаркъ ⁴⁾ расходится съ обѣими теоріями; опираясь на многочисленные факты и разсужденія, которыя подчасъ трудно понять, онъ утверждаетъ, что при обсужденіи первобытнаго состоянія человѣка, необходимо принять во вниманіе не только половую связь, но и другіе связующіе элементы, а на нѣкоторые обычаи, свидѣтельствующіе о существованіи матріархата, нужно смотрѣть, какъ на слѣдствіе господствующаго въ первобытныя времена смѣшенія элементовъ.

¹⁾ *The Arian Household.*

²⁾ *Происхожденіе брака и семьи.*

³⁾ *Основанія соціологіи*, т. II.

⁴⁾ *Первобытная семья.*

II.

Изучая этотъ важный вопросъ, анализируя разнообразные аргументы ученыхъ, защищающихъ ту или другую теорію, съ единственной цѣлью—открыть происхожденіе государства, я пришелъ къ заключеніямъ,—на мой взглядъ основательнымъ,—касающимся той роли, которую человѣкъ игралъ въ первобытной семьѣ и въ первобытномъ обществѣ (какъ я ихъ понимаю). Я расхожусь со сторонниками патріархата, допуская существованіе въ первобытныя времена орды или трибы, члены которой связаны между собою не однѣми лишь кровными узами, но и симбіозомъ; со сторонниками матриархата я расхожусь въ томъ, что, по моему мнѣнію, мужчина игралъ роль отца съ самаго начала.

Въ пользу послѣдняго мнѣнія я приведу здѣсь одинъ новый аргументъ, независимо отъ тѣхъ, которые я привелъ въ своей монографіи; аргументъ этотъ внушенъ мнѣ разсужденіями Леббока ¹⁾ и Тайлора ²⁾ о первобытныхъ формахъ языка.

Если, основываясь на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, разсматривать языкъ, какъ органическій продуктъ, начинающійся у животныхъ въ видѣ грубыхъ и рудиментарныхъ формъ, постепенно развивающійся у человѣка и достигающій у него высшей степени сложной структуры, благодаря его усовершенствованной психической организаціи, — то необходимо принять во вниманіе тотъ слабый, неопредѣленный свѣтъ, который образованіе словъ „отецъ“ и „мать“ бросаетъ на вопросъ о томъ, представляетъ ли патріархатъ первичный институтъ, или нѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если допустить, что слова отвѣчаютъ потребности выраженія эмоцій, ощущеній и идей, и что доказательствомъ ихъ древности можетъ служить

¹⁾ *Начало цивилизаціи*, гл. IX.

²⁾ *Первобытная культура*, т. I, гл. V и VI.

существованіе въ общемъ всѣмъ языкамъ корни подражательныхъ и легко произносимыхъ звуковъ, то относительно вышеупомянутыхъ словъ можно высказать много интереснаго.

Было бы ребячествомъ, говоритъ Тайлоръ ¹⁾ вмѣстѣ съ Бушманомъ ²⁾, утверждать, что карибы и англичане или готтентоты и англичане принадлежать къ одной расѣ, по той причинѣ, что первые имѣютъ общее слово „рара“, а вторые „тама“; но если этого и нельзя допустить, то не является ли вообще поучительнымъ это изумительное и странное совпаденіе? Оно доказываетъ по крайней мѣрѣ, что слова „отецъ“ и „мать“ получились не случайно. Ихъ употребленіе отвѣчаетъ одному и тому же порядку человѣческихъ эмоцій, идей и отношеній. Извѣстно, что во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ слова эти имѣютъ одни и тѣ же корни *ра* и *та*, которые очень просты и легко произносимы, какъ это видно на примѣрѣ дѣтей. „Нѣкоторые ученые, говоритъ Леббокъ ³⁾, производятъ „*pater*“ и „*papa*“ отъ одного корня *ра*, означающаго покровительствовать, а „*mater*“ и „*ma*“ отъ *та*, что значитъ родить“. Этому взгляда держится Максъ Мюллеръ ⁴⁾; Леббокъ же ⁵⁾ какъ разъ противоположнаго мнѣнія, т. е. онъ утверждаетъ, что „санскритское слово *ра*, покровительствовать, происходитъ отъ *ра*, отецъ“; онъ опирается на очень интересныя соображенія, которыхъ мы, однако, здѣсь приводить не будемъ.

Но что намъ особенно важно для нашей цѣли, это доказать, что всѣ аріійскіе народы для обозначенія отца и матери употребляли одни и тѣ же корни *ра* и *та*, ко-

¹⁾ *Ibid.*, т. I, стр. 259.

²⁾ *Ueber den Naturlaut*, Berlin, 1853.

³⁾ *Op. cit.* стр. 416.

⁴⁾ *Comparative Mythology*, Oxford, *Essais*, 1886, стр. 14 (цит. у Леббока).

⁵⁾ *Названное сочиненіе*, стр. 417, § 39.

которые отличаются весьма древнимъ происхожденіемъ. Но этого мало; рассматривая приведенный Леббокомъ длинный списокъ народовъ и расъ, языкъ которыхъ не происходитъ отъ санскритскаго (81 африканскихъ, 29 европейскихъ и азіатскихъ неарійскаго происхожденія, 12 океанійскихъ, 2 эскимосскихъ и 16 американскихъ), не трудно замѣтить преобладаніе легко произносимыхъ звуковъ, испускаемыхъ ребенкомъ для обозначенія отца и матери. Принимая во вниманіе, что употребленіе легко произносимыхъ и даже звукоподражательныхъ словъ для обозначенія отцовства и материнства есть фактъ общераспространенный, можно смѣло заключить, что они первобытнаго происхожденія, и что первые звуки, которые ребенокъ можетъ издавать съ нѣкоторымъ сознаніемъ, суть въ то же время и первые звуки, которые нашъ отдаленный предокъ могъ произнести, отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что они выражаютъ.

Фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію. Первобытный характеръ семейной связи въ той или другой формѣ нынѣ признается всѣми. Вопросъ только въ томъ, можетъ ли разборъ двухъ словъ, употребляемыхъ большинствомъ народовъ для обозначенія отца и матери, бросить нѣкоторый свѣтъ на проблему о первобытной формѣ семейной связи.

Максъ Мюллеръ утверждаетъ, что „одинъ тотъ фактъ, что слово „отецъ“ существуетъ съ очень давнихъ временъ, доказываетъ, что отецъ признавалъ сына своей жены собственнымъ сыномъ, *потому что только такое признаніе позволяло ему требовать отцовскаго титула“ ¹⁾. Бушманъ, приведя длинный списокъ словъ, служащихъ для обозначенія отца и матери и набранныхъ изъ разныхъ языковъ, замѣчаетъ, что *pa* и *ta*, равно какъ подобныя имъ формы *ap* и *at*, вездѣ преобладаютъ въ обозначеніи отца, а *ma* и *na*, *am* и *an* — для обозначенія ма-

¹⁾ *Ibid.*

тери; отсюда онъ заключаетъ, что существовало стремленіе выбирать болѣе мягкіе звуки для выраженія чувства, питаемаго къ матери, и болѣе твердые для выраженія чувства, вызываемаго отцомъ ¹⁾).

Хотя Тайлоръ считаетъ этотъ выводъ нѣсколько преувеличеннымъ, однако онъ имѣетъ нѣкоторое значеніе и наводитъ на весьма интересное предположеніе другого рода, которое, по моему, не менѣе основательно, чѣмъ выводъ Бушмана ²⁾).

III.

Легкость произношенія словъ, употребляемыхъ для обозначенія отца и матери, указываетъ на древность ихъ происхожденія и на то, что они употреблялись у всѣхъ народовъ; разъ для обозначенія этихъ отношеній, составляющихъ основаніе семьи, употребляются легко произносимыя слова, то можно допустить, что оба они весьма древняго происхожденія, и что, слѣдовательно, материнская связь не древнѣе отцовской. Нѣкоторые народы, какъ извѣстно, не имѣютъ термина для обозначенія отца: въ списокъ Леббока такихъ насчитывается 38 народовъ; кромѣ того, у 21 народа нѣтъ слова „мать“. Это обстоятельство, по моему мнѣнію, не имѣетъ большого значенія; гораздо важнѣе фактъ, указанный Бушманомъ и упомянутый нами выше. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ замѣтить: 1) что у всѣхъ народовъ, языкъ которыхъ происходитъ отъ санскритскаго, слово съ твердымъ произношеніемъ (корень *ра*) употреблялось для обозначенія отцовства; 2) что если считать *ра* легче произносимымъ, чѣмъ *та*,—а это видно на примѣрѣ дѣтей, которыя начинаютъ произносить *ра* раньше *та*,—то нужно припи-

¹⁾ *Ibid.*

²⁾ *Ibid.*

сать слогу *ра* болѣе древнее происхожденіе, чѣмъ *та*; хотя этотъ послѣдній звукъ легче испустить, но онъ мягче и труднѣе для произношенія, чѣмъ *ра*. Въ отношеніи упомянутыхъ выше народовъ гипотезу эту можно формулировать такъ: отецъ начинаетъ играть роль въ семьѣ не позднѣе матери.

Эта гипотеза подтверждается выводами, основанными на изученіи тѣхъ дикихъ народовъ, которые послужили базисомъ для построенія теоріи матриархата. Сравнительная статистика терминовъ, употребляемыхъ въ нарѣчіяхъ этихъ народовъ, не позволяетъ, правда, сдѣлать опредѣленное заключеніе въ пользу нашей теоріи; дѣйствительно, не можетъ быть безусловнаго единообразія въ относительномъ значеніи терминовъ, выражающихъ отцовство и материнство. Такъ; на примѣръ, индѣйцы британской Колумбіи называютъ отца *таан*, а мать *танн*, грузины говорятъ въ первомъ случаѣ *тата*, во второмъ *deda*. Въ нѣкоторыхъ азіатскихъ языкахъ (Тибетъ) понятія эти выражаются различными словами, смотря по рангу лица; говорятъ *ра* или *та*, если рѣчь идетъ объ отцѣ или матери простого человѣка, и *уав* или *уонт*, если рѣчь идетъ о важныхъ особахъ. Не нужно забывать, что, по словамъ Тайлора, „неизвѣстно ни одного случая, гдѣ *рара* и *тата* помѣнялись мѣстами: наибольшее измѣненіе было найдено на островѣ Мэнъ, гдѣ *тата* означаетъ отца и *babi* мать“¹⁾. Кромѣ того, не считая отмѣченныхъ уже исключеній и многихъ другихъ, сравнительное разсмотрѣніе языковъ дикихъ народовъ по списку Леббока даетъ слѣдующій результатъ: всего ихъ 140; въ этомъ числѣ 25 употребляютъ для обозначенія отца *ра*, *ар*, 36—*ба*, *ав*; 18—*да*, *ад* и *та*, *ат*; 4—*фа*; 12—*та*, *ат*. Изъ этихъ же 140 народовъ 38 называютъ мать *та*, *ат*; 31—*па*, *пе*; 13—*уа*; 8—*ба*; 3—*ра*. Словомъ, слоги *ра* и *ба*, болѣе твердые въ произно-

¹⁾ Названное сочиненіе, т. I, стр. 260.

шеніи, означаютъ „отецъ“: *та, па, аb*, болѣе мягкіе, означаютъ „мать“. Такъ какъ твердые звуки легче произносимы, то не свидѣтельствуешь-ли это о болѣе раннемъ ихъ употребленіи? Не подтверждается-ли это заключеніе еще и тѣмъ, что у многихъ народовъ слогу *ра*, означающему „отецъ“, соотвѣтствуетъ болѣе мягкое *та* для обозначенія матери? Принимая во вниманіе указанное Бушманомъ стремленіе употреблять болѣе твердые звуки для обозначенія отца, а также и то, что произношеніе ихъ легче произношенія менѣе твердыхъ словъ, означающихъ мать, — не логично думать, что связь по отцу появилась позже связи по матери.

На основаніи общихъ соображеній можно предположить, что въ силу подражанія нѣкоторымъ звукамъ ¹⁾ или легкости произношенія, первобытный человѣкъ употреблялъ губное *ра* не для обозначенія или, лучше сказать, для выраженія какого либо чувства или привязанности, а для выраженія факта присутствія мужа, который, какъ господинъ своей жены, управляетъ группой и охраняетъ ее. Понятно, что это не исключаетъ выдающейся роли матери; фактъ материнства есть фактъ первоначальный, и нѣтъ надобности думать, что только съ теченіемъ вѣковъ человѣкъ научился произносить менѣе твердое слово (*та*); гораздо логичнѣе допустить, что онъ умѣлъ произносить оба эти слова одновременно, и этого допущенія достаточно, чтобы признать одновременное существованіе отца и матери въ первобытныхъ социальных формахъ.

Если бы наше разсужденіе, основанное на данныхъ лингвистики, было единственнымъ, то оно имѣло бы мало

¹⁾ Одинъ изъ моихъ соотечественниковъ, извѣстный филологъ и философъ, съ которымъ я совѣтовался объ этой гипотезѣ, сказалъ мнѣ: „кто знаетъ, не обязаны ли мы этими словами (*ра, ба, та*) блеянію козъ и овецъ, неопредѣленному звуку *bes, тес*, которымъ они, повидимому, зовутъ своихъ родителей? Кто знаетъ, не объясняется ли этимъ блеяніемъ все?“

значенія; въ самомъ дѣлѣ, необходимо еще знать, *какъ* (а не только *когда*) люди дѣйствительно начали говорить, равно какъ и то, какое существуетъ соотношеніе между употребленіемъ болѣе или менѣе твердыхъ корней и болѣе или менѣе высокой степенью культуры дикихъ народовъ; это еще не сдѣлано и не легко сдѣлать. Но мнѣ кажется, что можно даже не признавать патріархата съ тѣми опредѣленными чертами, которыя приписываетъ ему Сомнеръ Мэнъ, но если принять во вниманіе тѣ выводы, которые можно сдѣлать на основаніи соціологіи животныхъ, затѣмъ выводы Спенсера, касающіеся животныхъ группъ, не основанныхъ на родствѣ, далѣе существованіе обществъ, гдѣ половыя отправления вторичны, наконецъ, первобытные факты ревности, грубой силы и симбіоза,—если принять все это во вниманіе, то нельзя считать первобытную соціальную форму группою съ безпорядочнымъ половымъ сожителествомъ, нельзя видѣть въ женщинѣ единственную опору семьи, а въ мужчинѣ позднѣйшій соціальный элементъ; напротивъ, приходится скорѣе признать обратное. Равнымъ образомъ, невозможно также допустить мнѣнія Бахофена, что первоначально обоими полюсами моральной жизни были инстинкты, съ одной стороны, и дѣторожденіе съ другой.

Объясненіе нѣкоторыхъ терминовъ

(по Брокгаузу и Гранату).

Аморфный—безформенный; аморфность—терминъ, характеризующій особое состояніе вещества, когда въ строеніи его отсутствуетъ всякая правильность.

Гетеризмъ—такъ Бахофенъ назвалъ первобытную форму полового общенія. По теоріи Бахофена, въ первобытныя времена люди не признавали индивидуальнаго брака; всѣ мужчины и женщины общины считались между собою въ супружествѣ, и каждый мужчина могъ имѣть общеніе съ любой женщиной.

Гинекократія—господство жены: мужъ состоитъ въ подчиненіи у жены, родство и наслѣдство идутъ по женской линіи, и женщины пользуются сравнительно большою политической властью. По теоріи Бахофена, гинекократія слѣдовала непосредственно за гетеризмомъ.

Комменсалисты—см. *Паразиты*.

Кузада—обычай, существовавшій почти у всѣхъ народовъ на первой степени развитія и состоявшій въ томъ, что послѣ рожденія ребенка отецъ его по недѣлямъ лежалъ въ постели, окруженный, въ качествѣ больного, попеченіями, между тѣмъ какъ мать исполняла всѣ домашнія работы. Обычай этотъ былъ наблюдаемъ Діодоромъ на Корсикѣ, Страбономъ у иберовъ, Марко Поло—въ одной части Китая и нѣкотор. др. и заимствовалъ свое названіе изъ южной Франціи, гдѣ онъ долѣе всего сохранился.

Левиратъ—юридическій институтъ, существующій у евреевъ и другихъ восточныхъ народовъ и состоящій въ томъ, что братъ лица, умершаго бездѣтнымъ (такъ наз. „левиръ“, деверь) долженъ былъ жениться на оставшейся вдовѣ. Левиратъ встрѣчается и теперь еще у монголовъ, каффровъ, въ Индіи и на Новыхъ Гебридахъ.

Моногамія—единобрачіе (бракъ одного мужчины съ одной женщиной).

Паразиты—организмы, которые питаются на счетъ другого организма, поселяясь временно или навсегда на поверхности или внутри органовъ. Настоящіе паразиты живутъ всецѣло на счетъ другихъ животныхъ; *комменсалисты* являются лишь сотрапезниками другихъ; *мутуалисты* питаются взаимно.

Позитивизмъ—въ узкомъ смыслѣ обозначаетъ то философское ученіе, первое связанное и систематическое изложеніе котораго далъ Ог. Контъ. Задумавъ связать всю совокупность положительныхъ наукъ въ одну систему, Контъ установилъ, какъ принципъ, приложимость и къ наукамъ, изучающимъ человѣка

и общество, общаго для всѣхъ положительныхъ наукъ метода и расположилъ всѣ отрасли знанія въ порядкѣ логической зависимости наукъ послѣдующихъ отъ предыдущихъ, получивъ такимъ образомъ систему позитивныхъ наукъ, имѣющую съ его точки зрѣнія значеніе системы положительной, т. е. научной, философіи. Но въ этой системѣ недостаетъ мѣста для теоріи познанія, которую Контъ вовсе упустилъ изъ виду, вслѣдствіе чего онъ пришелъ къ установленію догматическихъ границъ разуму въ его дѣятельности. Позитивизмъ *въ широкомъ смыслѣ* (представители его: Герингъ, Гефдингъ, Риль, Лаасъ, Фольцъ, Авенариусъ, Петцольдъ и др.) выдвигаетъ на первый планъ теорію познанія. Позитивистъ не признаетъ никакого основанія, кромѣ положительныхъ фактовъ, т. е. внѣшнихъ и внутреннихъ воспріятій, и отъ всякаго мнѣнія требуетъ подтвержденія фактами, опытомъ, на которые мнѣніе это опирается. Объясненія, даваемые позитивистами, всегда оперируютъ съ представленіями, коренящимися на опытѣ, и имѣютъ главнымъ образомъ въ виду анализъ и систематику фактического матеріала. Позитивистъ изслѣдуетъ прежде всего законѣрную зависимость фактовъ въ ихъ сосуществованіи и послѣдовательности и затѣмъ подчиняетъ ей каждое отдѣльное, единичное и конкретное данное. Вездѣ старается онъ установить связь, никогда не стремясь перейти границы того, что явно или скрыто содержится въ данныхъ воспріятія.

Полигамія—многоженство.

Поліандрія—многомужство.

Прогрессъ (поступательное движеніе)—въ приложеніи къ развитію человѣчества означаетъ приближеніе къ цѣлямъ, къ которымъ направлена или должна быть направлена дѣятельность человѣчества. Цѣль эта понимается однакожъ весьма различно. Одни видятъ задачу историческаго развитія въ достиженіи возможно большей суммы счастья для возможно большаго числа людей и разумѣютъ подъ счастьемъ возможно большее удовлетвореніе духовныхъ и матеріальныхъ потребностей. По мнѣнію другихъ, конечной цѣлью человѣческихъ стремленій должно быть развитіе личности; при этомъ на развитіе личности и его задачи различныя ученія опять-таки смотрятъ не одинаково.

Рудиментарный — простѣйшій, недоразвившійся. Рудиментарными органами называются органы, которые у извѣстныхъ индивидуумовъ во всю жизнь не достигаютъ полнаго развитія.

Синтезъ—въ логикѣ—способъ образованія сужденій посредствомъ соединенія нѣсколькихъ простыхъ понятій, по ихъ внутренней связи, въ одно сложное, новое понятіе.

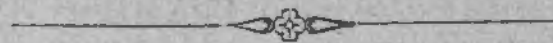
Эволюція—постепенное развитіе органическихъ формъ, населяющихъ міръ. Основная идея эволюціонной теоріи та, что живыя существа не всегда имѣли ту форму, которою онѣ нынѣ обладаютъ, что они произошли отъ простѣйшихъ формъ, и что высшая организація отдѣльныхъ группъ достигнута лишь въ теченіе безконечнаго ряда вѣковъ. Начало этому ученію положилъ Эразмъ Дарвинъ, а окончательную разработку дали ей Ламаркъ, Гете и въ особенности Чарльзъ Дарвинъ. Она опирается на три факта: измѣнчивость, наслѣдственность и борьбу за существованіе. Главное значеніе эволюціонной теоріи заключается

въ томъ, что она даетъ механическое объясненіе органической природы, что она показываетъ безъ помощи телеологическаго принципа, какъ постепенно развились всѣ организмы. Геккель разработалъ ученіе Дарвина въ строгую философскую систему, распространивъ ее на всѣ организмы, не исключая и человѣка. Работы Гегенбаура, Гексли, Ковалевскаго и др. имѣютъ большое значеніе для познанія сродства между отдѣльными группами животнаго царства и отношеній между ними. Гексли доказалъ тождество въ строеніи тѣла у обезьянъ и человѣка до мельчайшихъ подробностей и такимъ образомъ положилъ основаніе ученію о происхожденіи человѣка. По его мнѣнію, человѣкообразныя обезьяны и человѣкъ представляютъ конечныя звенья расходящихся вѣтвей общаго рода, происшедшаго отъ одного родича. Палеонтологія доказала, что вездѣ болѣе простыя организаціи предшествовали во времени сложнымъ. Эволюціонная теорія оказала могущественное вліяніе на цѣлый рядъ другихъ наукъ. На основаніи этой теоріи, исторія человѣка есть не болѣе, какъ звено общей исторіи мірозданія. Ей логически предшествуетъ доисторическій періодъ, которому въ свою очередь предшествуетъ исторія развитія земли, солнечной системы и, наконецъ, вселенной. Всюду господствуютъ однѣ и тѣ же силы, одни и тѣ же регулирующие законы, законы постепеннаго развитія. Въ настоящее время эволюціонная теорія охватила почти всѣ сферы человѣческаго мышленія и изслѣдованія. Общая точка, на которой сходятся всѣ науки, заключается въ томъ, что человѣкъ со всѣми его мыслями и ощущеніями, способностями и учрежденіями есть, какъ и вся природа, продуктъ развитія, эволюціи.

Эмпиризмъ—теорія познанія, которая считаетъ опытъ единственнымъ источникомъ всѣхъ нашихъ идей. Эмпиризмъ противоположенъ раціонализму, утверждающему, что дѣйствительное познаніе можетъ быть развито мышленіемъ только изъ такого содержанія, которое, независимо отъ всякаго опыта, въ той же мѣрѣ первоначально и очевидно, какъ и само логическое мышленіе.

Экзогамія—такой способъ заключенія брака, когда жена берется не изъ того племени или рода, къ которому принадлежитъ мужъ.

Эндогамія—такой способъ заключенія брака, когда жена берется изъ того же племени или рода, къ которому принадлежитъ и мужъ.

ИЗДАНІЯ

ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла

(Главный складъ: книжный маг. О-ва, Одесса, Пушкинская, 20).

Оздоровленіе жилыхъ домовъ, Одесскаго Городскаго инженера В. И. Зуева, съ таблицею чертежей. Ц. 40 коп.

Въ походѣ съ Менеликомъ, негусомъ Абиссинскимъ. 20 мѣсяцевъ въ Абиссиніи, соч. Ж. Вандергейма, сокращенный пересказъ Л. А. Вичъ-Богуславскаго, съ 16-ю рисунками и картою пути. Ц. 40 коп.

Императрица Екаторина II, Новороссія и Одесса, А. С. Бориневича, съ портретами: Екаторины II, Потемкина и Де-Рибаса. Ц. 15 к.

Указатель книгъ, допущенныхъ Министерствъ Нар. Просвѣщенія для Публичныхъ Народныхъ Читеній. Вып. I. Ц. 10 к. Вып. II. Ц. 10 к.

О чумѣ, П. Діатроптова. Ц. 20 к.

Розмова про сельске хазайство, Е. Чикаленко. Ц. 6 к.

„Ребенокъ“, общедоступная гигиена ребенка отъ рожденія до 3-хъ лѣтъ, В. Н. Жука (автора книги „Мать и Дитя“). Ц. въ бумагѣ 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к., въ переплетѣ 1 р. 50 к.

А. А. Микулинъ, Фабрично-заводская промышленность Одесск. Град. Херс. губ. и Ник. Воен. Губернат. Ц. 2 р. 50 к.

Сборникъ обязательныхъ постановленій, правилъ и разъясненій Херсонск. Губернск. по фабричн. дѣламъ Присутствія. Составленъ подъ редакціей Старшаго Фабричнаго Инспектора Херсонской губ. Ц. 50 коп.

Тетради для чистописанія по образцамъ, выработаннымъ спеціальною Коммисіей, одобренныя и рекомендованныя Ученымъ Комитетомъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Цѣна за сотію по 4 р. 50 к. (для училищъ по 4 р.), безъ пересылки.

Драмы и комедіи, И. Тобилевича (Карпенко-Караго), т. 1-й и 2-й по 1 р. 50 к.

„Народная Библіотека“ В. Н. Маракуева:

Смерть пьяницы, разказъ Ч. Диккенса, Ц. 3 коп. Одобренъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

Могучій Самсонъ, разказъ Е. Оржешко. Ц. 10 к. Одобренъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

Приключенія въ американскихъ лѣсахъ, степяхъ и на рѣкахъ, 8 разказовъ, Ж. Ж. Одюбоа. Ц. 20 к. Одобренъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

Сакія-Муни, древній мудрецъ (Легенды о Буддѣ), соч. Шюрэ. Ц. 20 к. Одобр. Мин. Нар. Просвѣщенія.

„Дѣтская Библіотека“ Н. Г. Вучетича:

№ 1. „Злой человѣкъ“, съ рисунками Н. Н. Герардова. Ц. 20 коп.

№ 2. „Соловей“, съ рисункомъ Н. Д. Кузнецова. Ц. 20 к.

№ 3. „Божіи дѣти“, съ 4-мя рисунками Ждаха. Ц. въ обложкѣ 15 к., въ папкѣ 20 к.

№ 4. „Нузя“, съ тремя рисунками Н. В. — Ц. въ обложкѣ 15 к., въ папкѣ 20 к.

№ 5. „Двѣ Легенды“, съ 3 рисунками Г. А. Ладыженскаго. Ц. въ обложкѣ 15 к., въ папкѣ 20 к.

№ 6. „Нордъ-Звѣзда“, разказъ изъ жизни приволжскихъ охотниковъ, съ 4 рисунками Г. А. Ладыженскаго. Ц. въ обл. 30 к., въ папкѣ 35 к.

(См. на оборотѣ).

„Библиотека Обществ. Знаній“ :

Серія I.

Вып. 4-й. С. Сергѣевъ. **Русскій рубль**, его исторія, экономическое значеніе и *предстоящая реформа*. Ц. 40 к.

Вып. 5-й. В. Ст. Дневонсъ. **Металлическія деньги**, переводъ Л. С. Зака. Ц. 30 коп.

Вып. 6-й. В. Ст. Дневонсъ. **Бумажныя деньги**, переводъ Л. С. Зака. Ц. 30 коп.

Вып. 7-й. К. Гельферихъ. **Вопросъ о валютѣ** (критика биметаллизма), переводъ А. —ковскаго. Ц. 30 к.

Вып. 8-й. Поль д'Эстурнелль де-Констанъ. **Грядущая опасность**. (Европа и ея соперники), переводъ А. С. — Ц. 25 к.

Вып. 9-й. Ф. Кс. Нейманъ-Спалартъ. **Протекціонизмъ и всемірное хозяйство** (критика системы покровительственныхъ пошлинъ), переводъ Л. С. Зака. Ц. 20 к.

Вып. 10-й. С. Сергѣевъ. **Вопросы русской промышленности**. Ц. 40 к.

Вып. 11-й. Л. С. Занъ. **Народныя переписи**. Ц. 30 к.

Тамъ же продаются и первые три выпуска „библиотеки“.

Серія II.

Вып. 1-й. Бюхеръ. **Женскій вопросъ въ средніе вѣка**, переводъ Л. С. Зака. Ц. 20 к.

Вып. 2-й. Генрихъ Буль. **Борьба за землю въ древнемъ Римѣ**, переводъ С. Сергѣева. Ц. 20 к.

Вып. 3-й. Дж. Руссель. **Народные университеты въ Англіи и Америкѣ**, переводъ Л. С. Зака. Ц. 50 к.

Вып. 5-й. Л. Гейгеръ. **Открытіе огня**, пер. Л. С. Зака. Ц. 15 к.

Вып. 6-й. Л. Гейгеръ. **Значеніе языка въ исторіи развитія человечества**, переводъ Л. С. Зака. Ц. 15 к.

Въ книжномъ магазинѣ Общества продаются, между прочимъ, и слѣдующія изданія :

Вейнбергъ А. И. Стихотворенія. Ц. 60 к.

ДAUDENЪ Эдуардъ. Шекспиръ, критическое изслѣдованіе его мысли и его творчества, переводъ Л. Д. Черновой. Ц. 2 р.

Козловскій, Филиповичъ и Чаушанскій. Одесса, какъ лечебный центръ. Ц. 50 к.

Микусонъ П. Л. Дифтеритъ и заразные болѣзни, съ 16 рисунк. Ц. 1 р.

Овсяннико-Куликовскій Д. Н. Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева. Ц. 1 р.

Пекаторосъ Г. М. Общедоступная Библиотека, 6 выпусковъ. Ц. каждого выпуска 25 к.

Пекаторосъ Г. М. Крыловъ, полное собраніе басенъ и избр. мѣста прочихъ его сочиненій. Ц. 40 к.

Симоновичъ Б. М. Необходимая книга для домовладѣльцевъ и арендаторовъ. Ц. 1 руб.

Москвичъ Г. Путеводитель по Кавказу—2 р., путеводитель по Крыму—1 р.; Лечение виноградомъ въ Ялтѣ, Н. Д. Дмитріевой—1 р., Мадера и острова Зеленаго мыса, К. М. Станюковича—20 к.; Черноморская Сирена, К. М. Станюковича—1 р. и др.

Книжный магазинъ Общества снабженъ большимъ выборомъ книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія, пособій по обученію и воспитанію, глобусовъ, теллурій, волшебныхъ фонарей и т. п.